

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации

Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОГОВОРНОЙ И СУДЕБНО-ИСКОВОЙ РАБОТЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

**Международная научно-практическая конференция
(27 октября 2022 г.)**

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2022

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2022
ISBN 978-5-9694-1188-3

УДК 347.1
ББК 67.404
Г75

Рецензенты:

начальник кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова кандидат юридических наук, доцент **С. К. Жиляева**; начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент **Э. Х. Рахимов**

Составитель *А. В. Тумаков*

Г75 Гражданско-правовые проблемы договорной и судебно-исковой работы правоохранительных органов: Международная научно-практическая конференция, 27 октября 2022 г. : сборник научных трудов / [сост. А. В. Тумаков]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. – 79 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : CPU 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.
ISBN 978-5-9694-1188-3

В сборнике публикуются статьи авторов, принявших участие в Международной научно-практической конференции «Гражданско-правовые проблемы договорной и судебно-исковой работы правоохранительных органов», прошедшей 27 октября 2022 г. Анализируются актуальные проблемы гражданского права и процесса в период реформирования законодательства.

Предназначен для курсантов и слушателей очной и заочной форм обучения, адъюнктов, педагогических работников образовательных организаций системы МВД России.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

В авторской редакции

Корректоры *Титова В. П., Жукова О. И.*
Компьютерная верстка *Жукова О. И.*

Подписано к изданию 11.01.2023
Объем издания: 1,56 Мб
1 электронный оптический диск (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1188-3

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
<https://мосу.мвд.пф>, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алишина Д. К.</i> Гражданско-правовое регулирование сделок с использованием цифровых финансовых активов	6
<i>Антонов Ф. А.</i> Теоретико-правовые основы регулирования дисциплины труда	9
<i>Бирюкова А. В.</i> Аспекты цифровизации судебного процесса путем внедрения искусственного интеллекта	13
<i>Вельянинова М. Т.</i> Сделки, совершенные под влиянием угрозы, насилия и обмана.....	17
<i>Видишева А. Н.</i> Особенности гражданско-правового режима общего имущества супругов при бракоразводном процессе	21
<i>Криушина А. В.</i> Принцип добросовестности в гражданском праве: генезис и современные реалии.....	25
<i>Кузнецов В. Е.</i> Особенности гражданско-правового регулирования имущественных отношений супругов.....	30
<i>Мачинский Н. А.</i> Гражданско-правовое регулирование деятельности благотворительных фондов.....	35
<i>Мельник А. С.</i> Принцип свободы договора: пределы и проблемы реализации	40
<i>Мут К. Д.</i> Особенности гражданско-правовой ответственности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет.....	44
<i>Никонов И. В.</i> Проблемы установления признаков преднамеренного банкротства юридического лица.....	47
<i>Пильникова А. С.</i> Особенности возмещения вреда, причиненного действиями сотрудников ОВД.....	51
<i>Помыкалова К. Г.</i> Правоспособность юридических лиц, находящихся в процессе ликвидации	56
<i>Серебряков С. В.</i> Современный доктринальный подход к изучению института исковой давности.....	60
<i>Хаврошина А. А.</i> Процедуры медиации при банкротстве.....	64
<i>Шапкина Л. С.</i> Смарт-контракты в системе гражданско-правовых договоров	67

<i>Шелетина В. А.</i>	
Информация в гражданском обороте	72
<i>Шурина А. А.</i>	
Правовые гарантии самозанятых	75

*Алишина Д. К.¹,
курсант международно-правового
факультета Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
*Малышева Н. А.,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СДЕЛОК С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ

С возникновением и развитием информационно-телекоммуникационных технологий началась глобальная реформа всех отраслей права. Современный мир уже не может обойтись без IT. При этом сложившаяся обстановка нуждается во внедрении новых финансовых инструментов в правовую действительность, как ответ на цифровую реальность. В связи с этим в гражданское законодательство было введено понятие «цифровое право», закрепленное в ст. 141.1 ГК РФ. Оно подразумевает под собой право, установленное в соответствии с правилами информационной системы как совокупность взаимосвязанных элементов. В настоящее время большое внимание со стороны законодателя и предпринимательской деятельности уделяется цифровым финансовым активам.

Говоря о цифровых финансовых активах (далее – ЦФА), нельзя не обратиться к сущности данного понятия. ЦФА – это цифровое право, которое представляет собой разновидность имущественных прав, дающих возможность покупать, продавать, передавать в залог и обменивать текущую совокупность прав. Этот финансовый инструмент можно использовать в качестве средства платежа. Законодатель закрепил понятие цифровых финансовых активов в п. 2 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА), где под «цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества» [1]. В настоящее время выпуск ЦФА ведется оператором, официально зарегистрированным в реестре Центрального банка Российской Федерации. Преимуществами цифровых активов являются ускорение оборота, уход от бумажных носителей, а самое главное – гибкость, которая дает малым и средним предприятиям выйти на облигационный рынок, так как они могут являться эмитентами. ЦФА не являются новыми объектами гражданского права. По мнению автора, это известные цивилистической науке имущественные права, закрепленные особым цифровым способом. Таким

¹ © Алишина Д. К., 2022.

образом, фундаментальными регуляторами оборота прав являются нормы имущественного права. Исходя из п. 4 ст. 129 ГК РФ цифровые объекты напрямую не участвуют в гражданском обороте, а оборотоспособными являются цифровые права на данные объекты.

Можно выделить несколько видов сделок с использованием ЦФА:

1. Сделки, совершенные со сменой обладателя прав без возможности возврата.

2. Сделки, совершенные с передачей прав на определенный срок.

Оборот прав может складываться по структуре правоотношения по переходу требований от одного субъекта к другому, именуемого цессией. К цифровым активам также применима конструкция договора купли-продажи, урегулированная ст. 454 ГК РФ, и меновых отношений (ст. 567 ГК РФ). Обмен может осуществляться между удостоверенными правами по структуре ЦФА и сходными, альтернативными правами либо другими объектами гражданского права. Согласно ст. 10 Закона о ЦФА, сделки с применением ЦФА совершаются через оператора. В соответствии со ст. 421 ГК РФ принцип свободы договора не запрещает проведения подобных сделок, вследствие чего сделки с использованием ЦФА соответствуют принципу законности.

Сделки с использованием такого объекта, как ЦФА, должны подлежать удостоверению у нотариуса или государственной регистрации в соответствии со ст.ст. 163 и 164 ГК РФ.

Федеральный закон № 259 закрепил понятие не только ЦФА, но и дополнил текст понятием «цифровая валюта». Цифровой валютой признаются «электронные данные (цифровой код или обозначения), содержащиеся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей» [1]. Данное понятие устанавливает ряд принципов, присущих цифровой валюте: совокупность электронных данных; данные содержатся в информационной системе; является средством платежа, которое не является единицей платежа Российской Федерации; могут быть приняты в качестве инвестиций.

Сделки, которые могут заключаться с использованием цифровой валюты: делегирование данного финансового инструмента другим лицам за деньги либо безвозмездно, обмен на другие активы, передача как покрытие обязательств, оплата товаров и услуг.

Исходя из п. 11 ст. 1 Закона о ЦФА можно подвести итог, что цифровая валюта и цифровые финансовые активы имеют особую правовую природу. Данные финансовые инструменты достаточно сложно соотносить, так как одни являются цифровыми правами, а другие – электронными данными. Значимым отличием ЦФА от цифровой валюты будет считаться то, что в отношении цифровых финансовых активов есть обязанное конкретное лицо по требованиям, а в отношении цифровой валюты такое лицо отсутствует. Еще одним различием является то, что цифровая валюта не может выступать в качестве средств

платежа за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа.

Таким образом, сделки с использованием цифровых финансовых активов регулируются нормами ГК РФ на том же основании, что и классические сделки с другими объектами гражданского права, с особенностями, которыми их наделяет ФЗ о ЦФА.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/.

2. Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. №. 11 (120). С. 103–113.

3. Гандилов Т. М., Тумаков А. В. Некоторые правовые вопросы цифровых финансовых активов // Вестник экономической безопасности. 2021. № 3. С. 60–63.

*Антонов Ф. А.¹,
курсант международно-правового
факультета Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
*Малышева Н. А.,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ ТРУДА

Переход к рыночной экономике привел к усилению роли права во многих отраслях промышленности и труда в целом. В современных условиях важными аспектами, требующими внимания, являются способы обеспечения и регулирования общественных отношений в сфере труда. Любая организация стремится к определенному упорядочению отношений, а также к установлению определенных правил поведения с целью эффективного выполнения обязанностей работниками. Такой установленный порядок, которому работники добровольно подчиняются, именуется дисциплиной труда. Проблема дисциплины труда многогранна и изучается различными областями научного знания: психологией, экономикой, социологией и правовыми науками. Ее значение возрастает в условиях развития современных производственных технологий, которые ведут к повышению уровня сложности используемых устройств при трудовой деятельности и, как следствие, к повышенной ответственности работника.

Пристальное внимание к дисциплине труда обусловлено в первую очередь тем, что отклонение от распорядка при эксплуатации трудовых ресурсов работником ведет к рискам, непосредственно связанным с жизнью и здоровьем самого работника. Риски могут быть вызваны различными факторами. По мнению автора, вышеуказанный фактор является человеческим. Его сущность проявляется в уровне правосознания работника, который выполняет свои функции. Невыполнение работником установленного распорядка свидетельствует об отсутствии у него необходимых трудовых качеств [13] (либо их недостаточность).

Кроме человеческого фактора, автор предлагает выделить и экономический. Он связан с выполнением работником в соответствии с распорядком всех требований, обеспечивающих высокую эффективность экономической деятельности, в частности, для работодателя и для национальной экономики в целом.

Эффективная реализация установленных отношений между работником и работодателем детерминирована дисциплинарной ответственностью как отраслевым институтом трудового права. Кроме этого, дисциплинарную ответ-

¹ © Антонов Ф. А., 2022.

ственную можно рассматривать в качестве определенных юридических последствий, наступивших в результате несоблюдения работником дисциплины труда.

По своему значению дисциплинарная ответственность имеет договорную природу. Она наступает только в тех случаях, когда между работником и работодателем заключен трудовой договор. При подписании трудового договора работник берет на себя обязанности выполнять все правила внутреннего трудового распорядка. В случае неисполнения этих правил работодатель вправе наложить дисциплинарные взыскания. Однако стоит отметить, что основания для применения возможных санкций четко определены законодателем, отражены в Трудовом кодексе Российской Федерации и иных нормативных правовых актах. Любые попытки работодателя привлечь работника к дисциплинарной ответственности без легальных оснований приводит к произволу. Также необходимо отметить, что дисциплинарная ответственность является элементом трудовых правоотношений и ее значение возрастает в случае совершения работником дисциплинарного проступка [1, с. 40].

На современном этапе понятие дисциплинарной ответственности согласовано представителями науки, многие из которых утверждают о многозначной роли дисциплинарной ответственности в трудовых правоотношениях. Так, Е. П. Кагал считает, что дисциплинарная ответственность является правовым средством, способствующим эффективной реализации трудовых отношений [3].

Такой элемент трудовых отношений, как дисциплина труда, является их неотъемлемым базовым элементом. Такой тезис обоснован тем обстоятельством, что любая трудовая деятельность нуждается в порядке и регулировании поведения всех работников в целях достижения безопасного производства. Этот порядок напрямую влияет на жизнь и здоровья работника. Правильное выполнение трудовых обязанностей и требований, предъявляемых к работнику, позволяет эффективно реализовывать принципы правового регулирования трудовых отношений и непосредственно сами правоотношения [7].

Для работника и работодателя важно соблюдение всех требований, указанных в трудовом законодательстве, а также в трудовом договоре и коллективных соглашениях. Именно дисциплина труда позволяет реализовывать все обязательные условия выполнения трудовых обязанностей. Важно понимать, что дисциплина труда имеет несколько значений, а именно:

- выступает как принцип трудового права;
- является непосредственным элементом трудовых правоотношений, при этом работник обязан выполнять все субъективные обязанности;
- институциональное значение – в данном случае трудовая дисциплина представляет собой совокупность норм, закрепляющих права, обязанности и ответственность работника и работодателя в процессе осуществления трудовой деятельности;
- регламентация внутреннего трудового распорядка, а также соблюдение мер по его реализации.
- фактическое поведение работника и работодателя на производстве.

В соответствии со ст. 189 ТК РФ под дисциплиной труда понимается обязательные для всех работников правила поведения в соответствии трудовым законодательством, локальными нормативными актами, трудовыми договорами. Однако на основании всех вышеуказанных аспектов, можно расширить вывод о том, что же является дисциплиной труда. Под дисциплиной труда понимается система норм, направленных на регулирование поведения всех участников трудовых правоотношений на основании внутреннего распорядка, определяющего меры поощрения и меры ответственности за его несоблюдение. Данное определение согласуется с легальной нормой, которая указана в ТК РФ.

При исследовании природы обязанностей субъектов трудовых правоотношений стоит отметить возникновение двустороннего обязательства, т. е. прав и обязанностей, присущих как работнику, так и работодателю. Их взаимность заключается в том, что второй обязан создавать условия, которые необходимы для соблюдения первым дисциплины [10, с. 123].

Особенность правового регулирования дисциплины труда проявляется в создании внутреннего трудового распорядка. Юридическая природа таких правил поведения работника определяется локальными нормативными актами. Однако есть самостоятельные правила поведения для отдельных категорий лиц, предусмотренные федеральными законами. В случае несоблюдения каких-либо правил внутреннего трудового распорядка предусмотрена юридическая ответственность. ТК РФ закрепил право применения дисциплинарных взысканий всецело за работодателем [4, с. 88; 5, с. 61].

Резюмируя сказанное в настоящем исследовании, автором достигнуты следующие результаты: автором изучено и проанализировано законодательство в сфере дисциплины труда; выведено понятие трудовой дисциплины с учетом многогранности его проявления; исследованы значение и функции трудовой дисциплины в качестве правовой категории; изучение значение дисциплинарной; проведен сравнительно-правовой анализ обязанностей субъектов трудовых правоотношений, связанных с трудовой дисциплиной.

Список литературы

1. Бутов П. С. Некоторые проблемные аспекты понятия «дисциплинарный проступок» в трудовом праве Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2000. № 1. С. 39–43.
2. Добробаба М. Б. Дисциплинарная ответственность в служебно-деликтном праве: понятие и правовая природа // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 6. С. 689–697.
3. Кагал Е. П. Соблюдение трудовой дисциплины в зависимости от разных типов поведения работников организации // Молодой ученый. 2019. № 42 (280). С. 182–184.
4. Колосовский А. В. Дисциплинарная ответственность: позитивный и ретроспективный аспект // Трудовое право. 2007. № 8. С. 86–91.
5. Курочкина М. Г. Дисциплина имеет значение // Трудовое право. 2007. № 9. С. 59–63.
6. Ломакина Л. А. Дисциплинарная ответственность работников государ-

ственных корпораций и государственных компаний за нарушение обязанностей и невыполнение запретов по российскому законодательству как мера противодействия коррупции // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 123–133.

7. Масилова М. Г., Нестерова А. Ю. Современные подходы к управлению дисциплиной труда // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. № 2. С. 80–91.

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257/.

9. Ситникова Е. Г., Сенаторова Н. В. Дисциплина труда: что нужно знать работнику и работодателю. М. : Российская газета, 2015. Вып. 13. 176 с.

10. Толстых, М. А. Дисциплинарная ответственность: понятие и принципы // Молодой ученый. 2021. № 36 (378). С. 122–126.

11. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.

12. Темницкий А. Л. Теоретико-методологические подходы к исследованию трудового поведения // Социологические исследования. 2007. № 6. С. 60–71.

13. Ярошенко О. Н. Основные принципы дисциплинарной ответственности в трудовом праве // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2014. № 2 (92). С. 69–73.

Бирюкова А. В.¹,
курсант международно-правового
факультета Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Тумаков А. В.,
начальник кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА ПУТЕМ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В настоящее время все разновидности судебных процессов, в том числе и гражданский, подверглись глобальным изменениям в связи с активным развитием различных информационных технологий, а также информатизацией отношений между субъектами. С целью выявления определенных аспектов использования такой информационной технологии, как искусственный интеллект, следует проанализировать, какие преимущества имеются в возможном использовании, насколько система правосудия может быть эффективна с применением искусственного интеллекта, и какова перспектива исключения судьи-человека и замены его на судью-технологю.

Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») [1] регламентирует определение понятия искусственного интеллекта, что он прежде всего является комплексом технологических решений, который позволяет имитировать функции когнитивного характера практически как у человека. Следовательно, результаты деятельности искусственного интеллекта как минимум должны сопоставляться с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Отмечено также о разделении на сильный и слабый искусственный интеллект. Слабый, в свою очередь, отличается узконаправленной специализацией по решению технологических вопросов. Универсальный, тот же сильный искусственный интеллект, который способен самостоятельно мыслить, оказывать взаимодействие и быть легко адаптирующимся объектом к меняющимся условиям, является актуальной проблемой, требующей решение, которое способно привести не только к положительным переменам, но и к негативным последствиям, провоцирующим технологические или социологические реформы, которые сопутствуют совершенствованию искусственного интеллекта. Безусловно, на этапах разработки многослойных нейронных сетей путем использования нескольких языков программирования, к примеру, таких, как *C++*, *Java*,

¹ © Бирюкова А. В., 2022.

JavaScript, Python и др., будет все более сильно востребована усердная работа инженеров-программистов при содействии с квалифицированными юристами для развития сильного искусственного интеллекта.

К преимуществам следует отнести рассмотрение и перевод на русский язык в цифровой формат различных документов, механическое распознавание специализаций судей по категориям дел и соответствующее их распределение, ведение цифрового протоколирования в ходе судебного заседания, регулирование выдачи цифровых предписаний. Выполнение иных функций возможно с помощью голосового помощника (по аналогии с *Siri* или Алисой). Также в преимущественные функции искусственного интеллекта входит правовая оценка: обозначение категории сделки, включая форму, дату, аутентичность электронной подписи, осуществление проверки расчетов по исковым требованиям, цены иска, рассмотрение пропусков исковой давности, а также сроков обращения в суд, выявление «глубинных подделок» (*deepfake*) и определение других возможных фальсификаций, выдвижение предложения для примирения сторон с использованием мирового соглашения или же медиативной процедуры. Тем самым, передав данные функции искусственному интеллекту, судья-человек сокращает огромное количество времени, являющимся ограниченным в гражданском процессе. В настоящий момент деятельность искусственного интеллекта возможна лишь под управлением судьи-человека по аналогии «*co-robot*» либо под наблюдением с помощью юридическо-машинной обработки и оцениванием доказательств, используемых сторонами в суде.

С целью эффективного использования судьи-робота требуются, во-первых, принятие нормативных правовых актов по регламентации передачи функций судьи-человека искусственному интеллекту, во-вторых, установление единого пространства цифровой среды применения и внедрение в систему правовых ценностей, в-третьих, автоматическая оцифровка текстовых документов с переводом в единый стандарт, а также с функцией трансформации в иные форматы (PDF, RTF, DOCX), в-четвертых, предотвращение неравенства среди субъектов гражданского оборота и доступность каждого к участию в цифровом судопроизводстве, в-пятых, осуществление доступа искусственного интеллекта к интеграционной шине СМЭВ и всевозможным «*Big data*», и в том числе создание облачной модели работы машинного интеллекта с использованием дистанционного режима посредством сети Интернет и ее администрирование Верховным Судом и Конституционным Судом Российской Федерации.

Касаемо сравнения и перспективы замены судьи-человека на судью-робот следует отметить, что последний, в отличие от судьи-человека, не способен, рассматривая дело по существу, учесть или оценить сторону гражданского процесса и его действия с точки зрения некоторых философско-правовых и моральных категорий, к примеру, добросовестности, гуманности, честности и справедливости.

Вместе с тем стоит заметить, что на данный момент разработанный искусственный интеллект может осуществить распознавание лишь по линиям либо очертаниям и не способен определять цвета, то есть объективно и в полном объеме фактические обстоятельства оценить машинный интеллект не сможет.

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на существенные изменения в условиях цифровизации, правосознание общества все также неизменно подразумевает социальную значимость должности судьи, к которой выдвигаются повышенные требования, в частности, безупречная репутация, юридический стаж, наличие высокой квалификации, что является условием признания обществом судьи-человека, следовательно, судья-робот равным образом должен быть признан и представителями государственной власти, и обществом в целом.

Хотелось бы отметить, что в системе правосудия России выделяется особая роль судьи в процессуальном законодательстве. Принципами деятельности судей являются их самостоятельность, независимость и подчиненность исключительно закону. Возникает дискуссионный вопрос: каким образом при применении искусственного интеллекта будут соблюдаться данные принципы при условии, что на отправлении правосудия, принятие решений будут влиять третьи лица – инженеры-программисты, использующие технологическое администрирование. Следовательно, вопрос об автономности работы искусственного интеллекта остается актуальным и требующим решение для эффективности правомерного применения искусственного интеллекта.

Необходимо добавить, что сохранность персональных данных с учетом обработки их искусственным интеллектом обязательна согласно Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [2], следовательно, такие данные должны обеспечиваться надежной защитой от посягательства на несанкционированный доступ через всевозможные каналы связи.

В заключение можно сделать вывод о том, что применение искусственного интеллекта довольно противоречиво ввиду того, что использование данной технологии имеет и преимущества, и недостатки. С одной стороны, применение искусственного интеллекта ускоряет судебный процесс путем автоматизации, снижает судебную нагрузку и даже дает правовую оценку. С другой стороны, не исключено влияние инженеров-программистов на объективную работу технологии, использование незаконного доступа третьими лицами к данным участников гражданского процесса. Отсюда следует сделать вывод о том, что система правосудия довольно эффективна при внедрении искусственного интеллекта, но при условии разрешения актуальных проблем его использования, а также учитывании всех особенностей работы машинного интеллекта.

Касательно перспективы замены судьи-человека на судью-робот, по моему мнению, это возможно лишь частично, поскольку при применении искусственного интеллекта исключается человеческий фактор, который необходимо учитывать при разрешении спора по существу с философско-правовой точки зрения. Кроме того, важным аспектом является признание судьи-робота как полноценного субъекта-правоприменителя, без которого у общества вероятно появление недоверительного отношения к такой технологии, используемой в гражданском судопроизводстве.

Рассмотрев аспекты цифровизации путем внедрения искусственного интеллекта, следует предположить, что данная технология в будущем будет способна выносить решения либо учитывая особенности судьи, под управлением которого она будет активизирована, либо, выдавать стандартные результаты, исполь-

зую аналогию. Согласно национальной стратегии, нормативно-правовое регулирование к 2030 г. в Российской Федерации уже должно гибко функционировать в области искусственного интеллекта и гарантировать безопасность населения, а также стимулировать развитие подобных технологий. Таким образом, активное применение машинного интеллекта – это будущее правосудия и всей судебной системы в целом.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/.
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_61801/.

Вельянинова М. Т.¹,
курсант международно-правового
факультета Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

СДЕЛКИ, СОВЕРШЕННЫЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ УГРОЗЫ, НАСИЛИЯ И ОБМАНА

Одним из ключевых институтов гражданского права являются сделки. Их правовая сущность определена законодателем в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ). Сделкам посвящена гл. 9 ГК РФ. Так, согласно ст. 153 ГК РФ, под сделками следует понимать действия физических и юридических лиц, направленные на возникновения, изменения, а также прекращение гражданских прав и обязанностей. Применительно к данному институту стоит отметить, что идеальная модель совершения действий субъектами гражданских правоотношений в практической реализации не всегда возможна. Одной из детерминант, которая сводит регулирование отношений в сфере заключения сделок на нет, являются действия физических и юридических лиц, совершенные под влиянием угрозы, насилия или обмана.

Под недействительностью сделок, совершенных под влиянием насилия, угроз, а также обмана, стоит понимать те действия субъектов гражданского права, которые соответствуют положениям ст. 179 ГК РФ. Ключевым условием является наличие юридического факта, выраженного в неправомерном действии одной из сторон сделки. Данное обстоятельство, являясь предметом исследования, имеет особое значение для гражданско-правовых отношений, так как посягает сразу на несколько отраслевых принципов. Во-первых, любые отношения, которые формируются в рамках отрасли гражданского права, базируются на принципе равенства участников гражданских отношений. Однако равенство нарушается в случае применения к стороне сделки одного из действий, отраженных в ст. 179 ГК РФ, так как возможности свободного волеизъявления нет. Во-вторых, нарушается принцип, согласно которому никто не имеет право извлекать из своего положения преимущество, если оно было получено в результате своего недобросовестного или незаконного поведения. Следовательно, субинститут недействительных сделок регулирует часть отношений, которые возникают в случае нарушения общих начал гражданского права, выраженных в совершении угроз, насилия или обмана.

¹ © Вельянинова М. Т., 2022.

На сегодняшний день существует легальное разделение недействительных сделок на оспоримые и ничтожные. Данная классификация основывается на критерии признания сделки таковой судом. Однако в науке гражданского права существует, помимо законодательного разделения, множество других классификаций. Наиболее распространенными критериями разделения недействительных сделок являются: зависимость от последствий, зависимость от того, кто имеет право обжаловать сделку, и т. п. Но наиболее фундаментальной и даже «академической» теорией разделения недействительных сделок стоит считать действия в зависимости от порока. В цивилистической теории выделяют следующие пороки: пороки формы, лица, воли, а также содержания. Стоит отметить, что среди пороков воли следует выделять такие, которые порождены именно поведением виновного лица, являющегося одной из сторон сделки или других лиц. Внимание к ним обусловлено тем, что, в отличие от ситуаций заблуждения, они обладают более сложной структурой отношений, обусловленной активным поведением стороны сделки или других лиц [5]. Так, если рассмотреть действия физических и юридических лиц, направленные на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей через призму порока воли, порожденного виновным поведением одной из сторон сделки, то к ним следует относить сделки, заключенные под влиянием обмана, насилия, угроз, злонамеренного соглашения, а также кабальные сделки.

Из легального определения обмана следует закономерный вывод, что условием, при котором он реализуется, является вина, выраженная в форме умысла. Стоит отметить, что данную идею разделяют большинство ученых цивилистов. Обман имеет субъектную вариативность, так как может исходить как от стороны сделки, так и от третьих лиц. Заблуждение, в свою очередь, выражается не в вине, выраженной в форме прямого умысла, а в неправильном понимании существенных условий сделки [2].

Исследование вопроса о сделках, которые совершены под влиянием насилия или угрозы, позволяет рассматривать их в качестве недействительных. В данном случае порок воли важно рассматривать через призму полного отсутствия воли либо в несоответствии воли волеизъявлению.

В соответствии с ч. 1 ст. 179 ГК РФ сделка, совершенная под влиянием насилия, угроз, может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего. Безусловно, в первую очередь следует доказывать наличие факта самого обмана. Второе, – это причинно-следственная связь между обманом, который был совершен, и принятием решения о совершении сделки на тех условиях, которые были определены незаконным путем.

Под насилием соответственно понимается противоправное физическое, иногда и психическое воздействие на другое лицо путем причинения ему страданий. Также необходимо доказать, что именно эти действия, то есть противоправные воздействия, были направлены на убеждение лица в совершении сделки.

Под угрозой понимается обещание совершить противоправные действия (физические или психические) с целью понуждения стороны к совершению сделок. Такая сделка имеет дефект внутренней воли потерпевшего, так как он не мог в соответствии со своими желаниями совершить определенные действия, направ-

ленные на заключение сделки. Если же человек вообще не хотел вступать в отношения по заключению сделки, можно говорить об отсутствии внутренней воли вообще [3]. Кроме того, насилие или угроза могут быть применены не только к стороне, которую принуждают к совершению сделки, но и в отношении близких родственников либо иных лиц, к которым потерпевшая сторона имеет непосредственное отношение и которые являются значимыми для принуждаемой стороны.

Подводя промежуточный итог, следует сказать, что для признания недействительной сделки необходимо доказать: во-первых, факт того, что насилие либо угрозы были совершены, т. е. действия должны быть противоправными и направленными на физическое или психическое воздействие; во-вторых, что эти действия имели цель принуждения стороны к заключению договора.

Последствия всех сделок, совершенных под угрозой, насилием и обманом (последствия недействительности), – это двусторонняя реституция, то есть расторжение договора с возвратом всего полученного по сделке. Однако существует исключение, если стороны согласны на изменение сделки. В таком случае суд может применить последствия в виде изменения сделки по тем условиям, которые стороны согласовали [1]. Некоторые элементы недействительности, определенные в ст. 179 ГК РФ, являются формальными и не зависят от фактических повреждений. Существует мнение о том, что режим ничтожности распространяется на дела об объективной противоправности, в которых затрагиваются интересы не только задействованных сторон.

Подводя итог, важно понимать задачу юриста, который защищает интересы субъекта сделки, совершенной под влиянием угрозы, насилия и обмана. Правовое урегулирование отношений, которые были нарушены в результате порока воли, является фундаментальной целью ввиду того, что от него зависит стабильный гражданский оборот. Представляется, что недействительные сделки часто остаются в тени в результате отсутствия внимания на это со стороны суда и самого потерпевшего. Данное обстоятельство требует более глубокого анализа в рамках заявленной проблемы. Причиной этому выступает слабая осведомленность контрагента в своих правах и страх, обусловленный угрозой, обманом или насилием.

По мнению автора, требуется усовершенствование механизма совершаемых сделок при помощи сосредоточения внимания со стороны государства на правовых аспектах прав и обязанностей сторон сделки. Кроме того, государство может выступать в качестве арбитра на начальных этапах заключения сделки при построении цифровой системы, способной анализировать обстоятельства и условия, связанные с обманом, угрозами или насилием.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25.02.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.

2. Гражданское право : учебник / под ред. Б. М. Гонгалю. Т. 1. 2-е изд. перераб. и доп. М. : Статут, 2017. 511 с.

3. Кузнецов Д. А. Сделки, совершенные под влиянием угрозы, насилия и обмана // Молодой ученый. 2019. № 38 (276). С. 33–36.

4. Сделки, представительство, исковая давность : постатейный комментарий к ст.ст. 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2018. 1264 с.

5. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права / сост. П. В. Крашенинников. М. : Статут, 2017. 832 с.

Видишева А. Н.¹,
курсант международно-правового
факультета Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ ПРИ БРАКОРАЗВОДНОМ ПРОЦЕССЕ

Становление гражданско-правового регулирования имущественных отношений супругов началось еще в Древнем Риме. Именно в римском праве зародился институт семьи и брака, появились такие термины, как «семья», «брак», «супруги» и др.

Заключая брачный союз, молодожены-римляне возлагали на себя взаимные права и обязанности личного и имущественного характера. С веками институт брака и семьи расширялся и совершенствовался. Если сравнивать имущественные права супругов Древнего Рима и современного общества, стоит отметить существенные различия в положении супругов. Так, если все имущество, приобретенное супругой в Древнем Риме, принадлежало ее супругу, то в настоящее время законом установлено имущественное равенство супругов. Кроме того, современному институту брака знакома такая сделка, как брачный договор, направленная на распределение имущества супругов по их взаимному согласию в случае развода.

Супруги, находящиеся в состоянии брака, стараются обеспечить необходимые условия жизни для своих детей и семьи путем формирования общего бюджета, ведения общего совместного имущества и др.

Имущество, нажитое супругами в период брака, признается их общим имуществом. Имущество супругов состоит из благ, приобретенных во время брака совместно, при этом блага (средства) могут поступать на общий банковский счет, открытый на имя одного из супругов. Такое имущество разделяется во время развода либо в соответствии с условиями брачного или послебрачного договора, либо судом в соответствии с законодательством. К такому имуществу относятся:

– недвижимое имущество: супружеский дом и любая арендованная недвижимость, которая была куплена во время брака; а также кредитные обязательства (ипотека);

¹ © Видишева А. Н., 2022.

- ценные вещи, купленные в браке, такие как автомобили, лодки, антиквариат, предметы искусства, мебель и коллекции предметов;
- доход в виде процентов, полученный от инвестиций в бизнес;
- долги, приобретенные в браке.

Супруг, который в период брака ухаживал за детьми, занимался домашним хозяйством или по каким-то иным уважительным причинам не был трудоустроен и не имел доступа к самостоятельному заработку, также имеет право на общее имущество.

Разделение совместного имущества может осуществляться как уже в зарегистрированном браке, так и после его прекращения по требованию одного из супругов, а также в случае заявления кредитором требования о разделе общего имущества супругов.

В случае спора раздел общего имущества супругов производится в судебном порядке в соответствии со ст. 256 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] и ст. 38 Семейного кодекса Российской Федерации [2]. Доли обоих супругов в общем имуществе признаются равными, если иное не предусмотрено брачным договором между ними.

Хочется отметить, что суд имеет право не придерживаться принципа равенства долей в связи со следующими обстоятельствами:

- учет интересов детей, не достигших совершеннолетнего возраста;
- учет интересов одного из супругов, если другой супруг расходовал совместное имущество не на блага семьи, а в ущерб им или же не получал заработных средств по неуважительным причинам.

Важно отметить, что имущество супругов может стать общим совместным только в том случае, если супруги проживают вместе. Было бы необоснованно признавать общей совместной собственностью вещи, которые супруги приобретают по отдельности в то время, когда они не проживают вместе. В данном случае речь идет о тех ситуациях, когда супруги формально не разведены, живут отдельно друг от друга и не собираются сохранять семью в будущем, намереваясь прекратить брак.

Стоит обратить внимание на то, что раздельная собственность может превратиться в общую собственность. Такого рода «превращение» может происходить в добровольном порядке по волеизъявлению одного или обоих супругов, либо в принудительном, путем совершения определенных действий. Так, добровольным следует признать случай, если один из супругов владел имуществом до брака и добровольно внес имя нового супруга в акт. В результате указанных действий имущество становится общей собственностью.

Следует отметить, что закон допускает исключения режима совместной собственности. Так, при разводе не подлежит делению следующее имущество:

- средства материнского капитала;
- права интеллектуальной собственности, принадлежащие одному из супругов;

– вещи индивидуального пользования (одежда и др.), в том числе приобретенные во время брака за счет общих средств, за исключением предметов роскоши и драгоценностей;

– личное имущество (имущество, полученное в порядке наследования, в дар либо принадлежавшее до вступления в брак) и др. [3]

В настоящее время имущественные отношения супругов довольно часто регулируются брачным договором, который заключается в отношении имущества, лиц, уже состоящих в браке, либо имущества, которое супруги планируют приобрести в будущем.

Брачный договор – это соглашение лиц, вступающих в брак или соглашение супругов, которое используется при неоспоримом разводе для разделения долгов, активов и имущества обеих сторон, которые были приобретены во время брака.

В брачном договоре могут быть определены права и обязанности супругов; способы участия в доходах друг друга, обязанности по несению каждым из них семейных расходов; имущество, которое будет передано каждому из супругов в случае развода, а также любые другие вопросы, касающиеся режима имущества супругов.

Особенностью брачных договоров является то, что супруги могут устанавливать режимы долевой, общей или раздельной собственности на все или часть имущества супругов, а также на имущество каждого из них.

Такие режимы, в которых супруги договариваются об общей или раздельной собственности, редко встречаются в едином виде. В основном супруги используют смешанный режим, в котором сочетаются элементы разделения и объединения. Перед вступлением супругов в брак нередко встречаются случаи, когда оговариваются вопросы об общем и раздельном имуществе. Например, дом будет общей собственностью, а квартира и машина – раздельной. При этом стоит помнить, что истец вправе требовать признания брачного договора недействительным. Судебной практике известны случаи рассмотрения таких исковых заявлений. Так, в случае, если брачный договор был подписан недееспособным лицом (например, страдающим тяжелым психическим заболеванием [4], не отдающим отчет своим действиям), то такая сделка признается недействительной (ст. 171 ГК РФ).

Таким образом, создавая раздельный режим некоторых видов имущества, законодательство старается обеспечить интересы супругов и стремится исключить случаи злоупотребления правами при разделе имущества.

В настоящее время брачный контракт является самым удобным и практичным вариантом урегулирования спора между супругами по поводу их общего имущества, а также при делении этого имущества при бракоразводном процессе. Раздел имущества при расторжении брака является крайне сложным и затруднительным процессом, поэтому, заключая брачный договор, супруги упрощают эту процедуру.

С точки зрения планирования развода важно понимать, какими мощными правами наделяет каждого из супругов концепция общей собственности.

Более того, при определенных обстоятельствах даже непреднамеренные действия одного из супругов могут привести к созданию общей собственности, которая наделяет другого супруга этими полномочиями. Важно понимать, что именно во время периода помолвки и планирования брака больше всего требуется рассмотреть вопрос контроля над автоматическим созданием общего имущества.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25.02.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 04.08.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/.
3. Раздел имущества супругов после развода // Сайт «Двитекс». URL: <https://www.dvitex.ru/poleznoe/semeynoe-pravo/razdel-imushchestva-suprugov-posle-razvoda/>.
4. Определения Московского городского суда от 19 февраля 2018 г. № 4Г-1015/2018, от 30 ноября 2017 г. № 4Г-14418/2017 // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru/301892682/>.

Криушина А. В.¹,
курсант международно-правового
факультета Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

Современной доктрине гражданского права известны следующие основополагающие принципы: равенство участников, неприкосновенность собственности, свобода договора, недопустимость вмешательства в частные дела и законность, которые нашли свое отражение в общей части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [3, с. 6]. Многие ученые классифицируют принципы добросовестности, разумности и справедливости в отдельную группу, получившую название нравственно-правовых, морально-этических или общесоциальных принципов [4; 8]. Однако не все авторы включают в этот перечень принцип добросовестности. По мнению автора настоящей статьи, связано это в первую очередь с тем, что данный принцип является относительно новой категорией для российского гражданского права, поэтому некоторые теоретики еще не готовы признать его значимость и основополагающую роль в системе регулирования имущественных и личных неимущественных отношений.

Принцип добросовестности зародился еще в римском праве, где существовали иски «доброй совести», которые подразумевали «большую свободу и самостоятельность судьи в обращении с материалом, возможность обращать внимание не на одну только букву договора, но главным образом и на его смысл» [7, с. 125–126].

Если обратиться к процессу становления данного принципа в российской правовой системе, то косвенное упоминание его содержания находит свое отражение в различных актах органов власти. Во время действия Русской Правды, Судебников 1497 и 1550 гг. институты частного права были развиты не в полной мере, и преимущество сливались воедино с институтами уголовно-правового и розыскного процессов. В связи с этим упомянутые принципы применялись к регулированию уголовных и уголовно-процессуальных отношений.

Последующая реализация принципа добросовестности в российском праве осуществлялась преимущественно в рамках судебного процесса, но сфера применения переместилась из уголовно-правовой в частноправовую. Тому виду,

¹ © Криушина А. В., 2022.

в котором принцип закреплен сейчас, правоприменитель обязан современному законодателю [14, с. 120].

Принцип добросовестности был закреплен в ГК РФ сравнительно недавно: Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [13] дополнил текст ст. 1 ГК РФ п. 3.

Включение принципа добросовестности в текст современного ГК РФ было обусловлено рядом причин (факторов):

- отсутствие данного принципа в российском законодательстве и наличие такового в международных правовых актах негативно отражалось на справедливости решений, вынесенных по спорам с участием российских лиц в международных судах;

- наличие принципа добросовестности в законодательстве стран с развитыми правовыми системами оказало влияние на представления современной доктрины гражданского права;

- требование умеренного ограничения принципа свободы договора, необходимого для стабилизации оборота в целях успешного функционирования рыночной системы [5, с. 59].

Таким образом, доминирующим фактором закрепления в российском гражданском законодательстве принципа добросовестности стало влияние международного частного права.

Для более глубокого понимания понятия добросовестности, оценки его содержания следует обратиться к этимологии. Само по себе понятие является сложносоставным и образуется из связи двух слов: «добро» и «совесть». Под добром можно понимать «преодоление обособленности, разобщенности и отчуждения между людьми, утверждению взаимопонимания, морального равенства и гуманности в отношениях между ними» [6, с. 223]. Данное понимание нашло отражение в нынешнем восприятии принципа добросовестности как правовой категории. И. Б. Новицкий называет этот принцип «сдержкой эгоизма в юридических отношениях» [7, с. 130], т. е. обязанностью человека учитывать общественные интересы и сопоставлять их со своими.

Совесть – это «способность личности осуществлять самоконтроль, осознавать нравственные общественные обязанности, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков» [1, с. 44], т. е. под совестью следует понимать внутренний регулятор, определяющий деятельность человека.

Обобщив два этих понятия, можно сказать, что добросовестность – это морально-этическая категория, предопределяющая поведение человека, основанное на общепризнанных принципах и нормах морали, сопровождающееся саморегуляцией индивида, направленное на учет потребностей и соблюдение интересов других членов общества. Данное понимание имеет общий смысл с официальной трактовкой добросовестного поведения.

Ранее упомянутый п. 3 ст. 1 ГК РФ гласит: «При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно»

[3, с. 6]. Однако нормативные правовые акты не раскрывают содержание понятия «добросовестность». В связи с этим свое объяснение привел Верховный Суд Российской Федерации, который в постановлении Пленума от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» пояснил, что «для определения добросовестного поведения участников гражданско-правовых отношений следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации» [9]. Исходя из данного пояснения, можно сделать вывод, что под добросовестным поведением следует понимать исключительно правомерную деятельность субъекта, не нарушающую законных прав и интересов других участников этих отношений, а также отсутствие со стороны такого субъекта действий, направленных на сокрытие юридически значимой информации, отсутствие или недостоверность которой способно нанести ущерб соответствующей стороне сделки.

Попытки объяснить смысл рассматриваемого принципа продолжают осуществляться некоторыми учеными: одни считают, что принцип добросовестности можно воспринимать только как субъективное, базирующееся на морали понятие, в котором российское право не нуждается [9, с. 13]. Исходя из данного принципа, можно предположить, что судьям предоставляется потенциальная возможность выносить решения исходя из личных ценностей и убеждений.

Другие [7, с. 129] опровергают суждения подобного рода и утверждают, что добросовестность – это принцип об объективности, который следует активно применять в судебной практике.

Сопоставляя данные противоположные суждения, наиболее обоснованной представляется позиция И. Б. Новицкого, который считает, что этическая категория позволяет судьям «приспособиться к индивидуальным особенностям случая» [7, с. 129]. В этом есть сама особенность и смысл принципа добросовестности: он наполняется содержанием лишь в конкретной ситуации, что, в свою очередь, не отменяет затруднений судей при его применении [12, с. 119–120]. Именно данное обстоятельство порождает дискуссионность относительно целесообразности закрепления принципа добросовестности в российском законодательстве.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указано, что «по общему правилу п. 5 ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное» [10]. В этом состоит презумпция добросовестности. Так, М. Н. Бронникова отмечает, что значение гражданско-правовой презумпции заключается в том, что она «моделирует поведение субъектов: участники гражданских правоотношений в своей деятельности должны руководствоваться предположением, если не доказано иное – предполагаемый признак не опровергнут» [2, с. 61]. Представляется возможным ввести ограничения на применение презумпции добросовестности относительно наиболее значимых для сторон отношений, свя-

занных, например, с высокими для них рисками, и ввести обязанность участников доказывать свою добросовестность в установленном законом порядке.

Итак, принцип добросовестности является одним из самых неоднозначных и дискуссионных начал в системе принципов права. Проанализировав историю данного принципа, можно констатировать его существование на протяжении длительного периода времени, в том числе, будучи не установленным официально. Принцип добросовестности представляет собой форму поведения, ожидаемую от любого участника правоотношений, соблюдающего права и законные интересы другой стороны, не скрывающего от нее юридически значимую информацию. Автор убежден в том, что кажущийся на первый взгляд субъективной философской категорией принцип содержит в себе объективные требования правомерного поведения и запрет на злоупотребление правом.

Список литературы

1. Бербешкина З. А. Совесть как этическая категория. М. : Высшая школа, 1986. 101 с.
2. Бронникова М. Н. Проблемы применения презумпции добросовестности в гражданских правоотношениях // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2007. № 1. С. 55–68.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25.02.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
4. Комиссарова Е. Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 303 с.
5. Кондрат Е. Н. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе Российской Федерации: от толкования к законодательному закреплению // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 5. С. 58–62.
6. Мордовина Л. В. Природа и сущность доброты // Аналитика культурологии. 2014. № 2 (29). С. 218–224.
7. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 6. С. 124–181.
8. Общая теория государства и права : учебник / под ред. М. Н. Марченко. М. : Издательство Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 1998. 408 с.
9. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 1998. 351 с.
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document/consdocLAW181602/>.
11. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140188/.

12. Цакоева М. А. Эволюция принципа добросовестности в обязательственном праве. // Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. 2015. № 2. С. 118–121.

13. Ширвиндт А. М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение. М. : Статут, 2014. 242 с.

Кузнецов В. Е.¹,
*курсант международно-правового
факультета Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
Тумаков А. В.,
*начальник кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ

В настоящее время проблема правового регулирования имущественных отношений между супругами обстоит довольно остро, исходя из назревшей необходимости государства охранять законные права и интересы граждан в рамках имущества, напрямую или косвенно принадлежащего им.

Стремительное развитие основных сфер жизни общества за последние несколько десятилетий неизбежно создает необходимость изменения общественных отношений, эти изменения не могли не затронуть и, казалось бы, наименее подверженную всяким нововведениям, сферу семейно-бытовых отношений. Несмотря на то что брачно-семейные отношения обычно приравниваются к личным неимущественным отношениям, не следует забывать, что имущественные отношения, порождающие имущественные права и обязанности между мужем и женой, также очень важны и в имущественном ключе.

Опираясь на нормы Семейного кодекса Российской Федерации, можно трактовать имущественные отношения супругов, как урегулированные нормами семейного и гражданского права общественные отношения, возникающие между супругами по вопросам материального содержания и совместной собственности.

Семейный кодекс Российской Федерации, наряду с понятием «режим имущества супругов», закрепил еще и «договорной режим», при котором право решения имущественных вопросов оставалось в руках супругов. Таким образом, супруги впервые получили право определять, каким образом будут регулироваться их имущественные отношения, то ли основываясь на нормах семейного законодательства, то ли на положениях брачного договора.

В современном российском обществе наблюдается неутешительная динамика, связанная с увеличением числа разводов, а следовательно, особую актуальность приобретают вопросы, связанные с делением совместного имущества супругов, а также общего регулирования вопросов, касающихся имущества.

Закон определяет понятие содержания права собственности супругов на общее имущество: «Супруги имеют равные права на общее имущество независи-

¹ © Кузнецов В. Е., 2022.

мо от способа участия в формировании совместной собственности...» [5]. К объектам совместной собственности в таком случае следует относить лишь то имущество, которое было приобретено супругами во время брака. В состав имущества, нажитого в браке, не входят те предметы, полученные супругами во время брака, так же как и имущество, имеющееся у супругов до их вступления в брак. Исходя из положений Семейного кодекса Российской Федерации: «Объектом общей совместной собственности супругов могут быть: квартиры, усадьбы, жилые и садовые дома, промышленные сооружения, земельные участки и насаждения на них, продуктивный и рабочий скот, средства производства, различные транспортные средства как для личного пользования, так и для обработки земли, перевозки грузов, денежные средства, акции и другие ценные бумаги, вклады кредитных учреждений, денежные суммы и имущество, принадлежащие супругам по другим обязательственным правоотношениям». Раздельной (личной) собственностью каждого из супругов следует считать те объекты, приобретенные или иным образом нажитые ими до брака. Когда один из супругов своим участием повышает ценность имущества, то такое имущество является совместным. Например, если дом принадлежал жене до брака, но другие части были добавлены во время брака и возникает спор, то дом признается ее личной собственностью, а имущество, пристроенное к дому – совместной супружеской собственностью. Но даже в таком случае не всегда все явно и прозрачно. Например, бывают такие ситуации, по-настоящему сложно определить, кому именно принадлежит подарок. Ведь не всегда подобная передача имущества сопровождается договором дарения. Например, допустим, родители дарят молодой паре на свадьбу мультиварку и автомобиль (без договора дарения), и эти вещи передаются молодой паре не как подарок кому-либо, а в их совместное, «семейное» пользование. Такое имущество принадлежит обоим супругам, и доказывать принадлежность стоит со свидетелями. Также к раздельному имуществу супругов, нажитому во время брака, следует относить и нажитое в процессе принятия наследства. В таком случае наследник получает во владение имущество, нотариально подтвержденное, оформленное в нотариальной конторе с соответствующей документацией. Имущество, которое было приобретено за личные средства одного из супругов, является его личной собственностью, за исключением случаев, в которых второй супруг тем или иным образом участвует в повышении ценности имущества. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» [3] выделяет безвозмездно приобретенное имущество, полученное в порядке приватизации, получения в дар или наследования, личной собственностью супруга. Вещи личного пользования, за исключением драгоценностей, ценных металлов, украшений и иных средств роскоши, так же, как и приобретенные лично, следует относить к личной собственности. На такое имущество распространяются права частной собственности каждого из супругов по соглашению между ними или, при отсутствии соглашения между супругами, по решению суда. В случае если предметы роскоши и драгоценности не были приобретены для личного пользования, а для вложения средств, то имущество следует отнести к совместно нажи-

тому. С учетом каждого отдельного доказательства, обстоятельства и показания суду придется найти истину и разобраться в каждом конкретном случае.

Имущество включает не только собственность по определению, но и финансовые выгоды, начисляемые одному или обоим супругам, такие как зарплата, пенсия, пособия, бонусы, гонорары и т. д. Премия, будь то денежная или вещевая, также является личной собственностью. Если премии, призы и награды, выданные одному из супругов за работу, не связанную напрямую с деятельностью, регламентированной трудовым договором, не являются его заработком, эти материальные блага могут быть признаны отдельным имуществом этого супруга, даже если они были получены им в период брака.

Исходя из вышеизложенных ситуаций, совместно нажитым имуществом следует считать имущество, нажитое супругами в период брака. Долевая собственность отличается от общей собственности прежде всего своим происхождением и источником правового регулирования, поскольку помимо Гражданского кодекса регулируется семейным законодательством. Отнесение имущества к совместно нажитому характеризуется рядом формальных признаков: оно должно быть приобретено в период брака; приобретено на общие средства; при наличии фактических брачных обстоятельств при условии официальной регистрации брака; и оно должно быть нажито в процессе ведения супругами общего хозяйства.

Семейный кодекс Российской Федерации предусматривает два режима правового регулирования имущественных отношений, возникающих между супругами: законный и договорной. Законный режим уместен в том случае, если иное не предусмотрено брачным договором или иными документами и предусматривает, что супруги в равной мере имеют право притязания на имущество. Под законным режимом имущества супругов законодатель понимает, что: имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью без определения доли каждого из собственников. Законным режимом предусматривает отчуждение определенного имущества каждому из супругов в общем порядке. Законодатель в данном случае предполагает, что раздела имущества в будущем не произойдет. Стремится сохранить традицию семьи, брачных отношений супругов, построенных на любви и привязанности.

Напрямую договорной режим регулирования имущественных отношений супругов законом не предусмотрен, однако гл. 8 СК РФ содержит нормы, включающие в себя понятие «брачного контракта». Брачный договор регулирует имущественные отношения супругов и определяет порядок отчуждения имущества в разводе.

Имеет место быть и признание брачного договора недействительным, в качестве примера хорошо подходит определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 марта 2022 г. по делу № 78-КГ22-5-КЗ «Об оспаривании брачного договора, наделившего бывшего супруга правом собственности на квартиру, приобретенную в браке» [1].

Случай, в котором брачный договор заключен «по принуждению», является основанием для принудительного прекращения действия брачного договора в судебном порядке. Также отмечается, что заключение брачного договора не должно

ставить любого из супругов в крайне неблагоприятное положение (например, из-за непропорциональности долей в общем имуществе либо лишения одного из них полностью права на имущество, нажитое в период брака). Следует вывод, что при полном обделении имуществом одного из супругов возникает необходимость в проверке законности заключения брачного договора. Напомню, что напрямую закон не устанавливает объемы отчуждаемого в одностороннем порядке имущества. Решение о признании договора недействительным возможно только в порядке судебного обжалования. Но это в корне противоречит самой сути заключения брачного договора, при которой граждане, вступающие в брак на установленных законом основаниях, вправе самостоятельно определить, какое имущество будет находиться в собственности каждого из них после развода, что в который раз подтверждает, что проблема реформирования семейного законодательства в Российской Федерации крайне острая.

Также имеет место быть расторжение брачного договора по обоюдному согласию. В таком случае отпадает необходимость в судебном порядке оспаривать положения брачного договора.

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать следующий вывод: проблема регулирования брачно-семейных отношений в российском законодательстве в настоящий момент обстоит довольно остро. В настоящий момент в семейном праве создается множество обстоятельств, решение которых без судебного вмешательства попросту невозможно. Возникает необходимость в точечном реформировании системы правового регулирования брачно-семейных отношений. В последнее время возрастает тенденция регистрации брачных контрактов. За последние 5 лет их количество возросло практически на 70 %, в связи с чем появляются новые обстоятельства, идущие вразрез с действующим законодательством. Во избежание нарушения прав граждан на собственное имущество, тем или иным образом полученное во время брака, следует интегрировать в Гражданский и Семейный кодексы правовые положения, регулирующие правила проведения сделок с имуществом.

Список литературы

1. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 марта 2022 г. по делу № 78-КГ22-5-КЗ, от 5 июля 2022 г. № 77К80005-01-2020-004464-04 // ЮИС «Легалакт». URL: <https://legallacts.ru/sud/opredelenie-sud>.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25.02.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20961/.

4. Побережный С. Г. Содержание права собственности супругов на общее имущество // Культура. Наука. Интеграция. 2016. № 2 (34). С. 34–39.

5. Имущество супругов, нажитое во время брака // Сайт Адвокатского бюро «Антонов и партнеры» URL: <https://pravo163.ru>.

*Мачинский Н. А.*¹,
курсант международно-правового
факультета Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ФОНДОВ

В настоящее время в Российской Федерации существуют различные виды фондов, деятельность которых в той или иной степени влияет на состояние социальной подсистемы общества. В системе благотворительной деятельности благотворительные фонды занимают одну из ключевых ролей в благотворительной деятельности. Фонды являются достаточно распространенной организационно-правовой формой юридического лица. Однако на практике встречается множество организаций, называемых фондами, которые на самом деле таковыми не являются. Например, Пенсионный фонд не совсем корректно называть фондом, на это прямо указывает Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» [6]. Так, в ст. 5 названного закона прямо сказано, что Пенсионный фонд Российской Федерации является государственным учреждением. Здесь же стоит отметить, что некоммерческие пенсионные фонды, согласно ст. 4 Федерального закона от 7 мая 1998 г. № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» [3] могут создаваться в организационно-правовой форме акционерного общества, хотя в названии употребляется понятие «фонд». Ввиду этого возникает справедливый вопрос, какие же организации следует считать фондом? Автор статьи предлагает разобраться с этим вопросом на примере благотворительных фондов, правовое регулирование которых в настоящее время вызывает некоторые вопросы.

Стоит отметить, что деятельность благотворительных фондов зачастую направлена на поддержание одного из центральных секторов социальных отношений – здравоохранения, что способствуют его развитию. Благотворительные фонды могут оказывать поддержку и иным сферам социального обеспечения. Ввиду этого автор предлагает разобраться, для каких целей могут быть созданы различные формы фондов и благотворительных организаций.

Для того чтобы уяснить сущность различных форм благотворительных организаций, в первую очередь, следует понять, что такое фонд, каковы цели его создания и выявить его разновидности. Фонд – это не имеющая членства орга-

¹ © Мачинский Н. А., 2022.

низация, созданная гражданами или юридическими лицами в некоммерческих целях на добровольной основе для достижения общественно полезных целей.

Благотворительный фонд – это одна из форм организации благотворительной деятельности, представляющая собой неправительственную, некоммерческую организацию, направленную на реализацию общественно полезных целей. Стоит отметить, что имущество всех фондов формируется за счет добровольных имущественных взносов и может быть реализовано в благотворительных целях, однако не все фонды создаются для осуществления такой деятельности. Например, инвестиционные фонды создаются для аккумуляции сбережений граждан и юридических лиц в целях совместного инвестирования через покупку ценных бумаг.

Благотворительность – это добровольная деятельность физических и юридических лиц по бескорыстному предоставлению лицам имущества или оказанию иной поддержки. Как уже было отмечено выше, благотворительной деятельностью наряду с фондами занимаются и иные организации, такие как благотворительные учреждения и благотворительные общества.

В настоящее время правовое регулирование деятельности благотворительных фондов осуществляется широким кругом правовых источников. К их числу относятся:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации [5].
2. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [4].
3. Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (далее – Закон о благотворительных организациях) [2].
4. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» [7].

В совокупности указанные нормативно-правовые акты регулируют деятельность фондов и закрепляют их виды.

Из указанного перечня стоит обратить внимание на Закон о благотворительных организациях, который непосредственно регулирует вопросы осуществления юридическими лицами благотворительной деятельности. В нем содержатся основные положения, формы, цели, порядок создания и прекращения благотворительных фондов. Если обобщить цели благотворительной деятельности, отраженные в указанном Законе, то можно сказать, что благотворительность осуществляется для оказания помощи и совершенствования функционирования различных социальных институтов. Например, благотворительный фонд «Подари Жизнь» создан для помощи детям и молодым взрослым до 25 лет, имеющих онкологические заболевания. Его главной целью является помощь определенному кругу лиц, которые нуждаются в такой поддержке и по некоторым причинам не могут получить ее от государства. Можно сказать, что фонды сопровождают (поддерживают) государственную социальную политику и осуществляют непосредственную ее реализацию в той части, в которой это требуется обществу. При этом государство также принимает участие в благотворительной деятельности путем финансирования фондов на разных уровнях. Так,

фонды могут получить крупные государственные гранты на реализацию своих проектов.

Главным учредительным документом благотворительного фонда является устав, который принимается учредителями. Устав фонда закрепляет основные направления, предмет и цель деятельности, информацию об органах управления фондом и т. д. Соответственно, устав благотворительного фонда должен содержать в качестве главной цели благотворительную деятельность.

У благотворительного фонда, как и у всякого другого фонда, есть свой высший управленческий орган в виде собрания его учредителей, который вправе изменять устав фонда, управлять имуществом, а также выбирать направления благотворительной деятельности и заниматься ее планированием. Наряду с ним в благотворительном фонде создается попечительский совет, который наблюдает за осуществлением благотворительной деятельности фонда, т. е. выступает надзорным органом.

Несмотря на общие признаки с другими фондами, благотворительный фонд имеет свои особенности. В первую очередь следует отметить особенность использования доходов: благотворительный фонд должен тратить на свою деятельность не менее 80 % своего дохода. Фонд занимается привлечением средств для осуществления своей благотворительной деятельности. Кроме того, фонды имеют право заниматься предпринимательской деятельностью и использовать полученные доходы согласно уставным целям. Благотворительный фонд каждый год должен отчитываться о результатах своей работы и тратах на благотворительную деятельность. Если же фонд привлекает больше средств, чем нужно для поставленной цели, то оставшиеся средства распределяются на другие благотворительные цели фонда. Кроме того, при ликвидации благотворительного фонда может сложиться ситуация, при которой оставшееся имущество будет превышать сумму задолженностей перед кредиторами. В этом случае оставшаяся часть имущества используется на благотворительные цели согласно уставу.

Изучая фонды и их разновидности, стоит остановиться на нескольких видах, чтобы сравнить особенности их целей и соотношение с благотворительной деятельностью. Выделяют следующие виды:

1. Общественные фонды.
2. Частные фонды.
3. Семейные фонды.
4. Корпоративные фонды.

Общественный фонд представляет собой общественное объединение, построенное на добровольной основе физических или юридических лиц, который создан для достижения общих некоммерческих целей. Общественные фонды имеют ряд присущих им черт, отличающих этот вид организации фонда от других. Его создание связано с принятием собранием учредителей устава в количестве не менее трех человек. Однако юридическим лицом фонд становится только с момента регистрации (хотя может функционировать и без образования юридического лица). В зависимости от территории, на которой общественные фонды осуществляют свою деятельность, выделяют местные, региональные, межрегио-

нальные, общероссийские и международные. Все они отвечают за благотворительную деятельность на определенной территории.

Частный фонд – это благотворительный фонд, созданный определенным лицом, имеющим ресурсы (капитал) для осуществления благотворительной деятельности. Частые фонды представляют собой особый тип некоммерческих организаций ввиду того, что создатели (частные лица) жертвуют колоссальные средства на благотворительность. В 2015 г. было отмечено значительное увеличение количества частных пожертвований на фоне сокращения государственного финансирования (увеличение на 24 % по сравнению с 2014 г.) [1].

Семейный фонд является сходным частному фонду, однако он основан на базе капитала семьи. Существенное отличие управления семейным фондом заключается в том, что его деятельность направляется не единолично (как в частном фонде), а кругом членов семьи, все из которых имеют властные полномочия.

Корпоративный фонд отличается от вышеперечисленных тем, что он создается на основе капитала конкретной компании. Компания создает капитал для развития социальной деятельности компании и периодически пополняет его. Фондом управляет организация, усилиями которой он был создан. Деятельность корпоративного фонда тесно связана с целями и интересами самой компании. В 2018 г. расходы корпоративных фондов составили 13,9 млрд руб., что сопоставимо с выделенным федеральным бюджетом на осуществление деятельности социально ориентированными некоммерческими организациями [8]. Одними из самых крупных корпоративных фондов являются благотворительные фонды «Почет» (РЖД), «Ренова» и «Татнефть».

Все из указанных видов организаций фондов имеют свои преимущества, которые влияют на достижение поставленных целей. Вклад каждого из видов фондов в свой сектор деятельности в совокупности дает качественное развитие всех сфер жизни общества. Вместе с тем законодательное регулирование обозначенных форм организации фондов вызывает множество вопросов ввиду «запутанности» и неоднозначности некоторых нормативных положений.

Подводя итог, стоит сказать, что благотворительные фонды – это один из элементов большого числа некоммерческих организаций, чья деятельность направлена на развитие и поддержку общества. Благотворительная деятельность обширно регулируется федеральными законами, которые дают правоприменителю понимание о деятельности, целях и задачах таких фондов. Однако множественность нормативного регулирования ведет к смешению организационно-правовых форм и используемых понятий. В результате автор приходит к выводу о необходимости системного изложения вопросов правового регулирования фондов в целом и благотворительных фондов в частности. По мнению автора, это может привести к повышению эффективности их деятельности.

Список литературы

1. Доклад о состоянии и развитии фондов в России в 2015 г. // Сайт «Форум доноров». URL: <https://www.donorsforum.ru/wp-content/uploads/2016/07/Doklad>.

2. Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document/consdocLAW74>.
3. Федеральный закон от 7 мая 1998 г. № 75-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О негосударственных пенсионных фондах» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18626/.
4. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 07.10.2022) «О некоммерческих организациях» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25.02.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
6. Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW.
7. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об общественных объединениях» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/.
8. Российские корпоративные фонды: что о них известно? // Сайт «Теплица социальных технологий». URL: <https://te-st.ru/2020/03/24/corporate-foundations/>.

*Мельник А. С.¹,
курсант международно-правового
факультета Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя*

Научный руководитель:
*Малышева Н. А.,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ПРИНЦИП СВОБОДЫ ДОГОВОРА: ПРЕДЕЛЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Свобода договора является одной из первооснов гражданских правоотношений, без которой невозможны функционирование и развитие рыночной экономики и гражданского оборота в целом. Закрепление ее в качестве принципа гражданского законодательства, безусловно, необходимо однако, в связи с этим возникает ряд вопросов по поводу того, каким образом она должна проявляться в правовой плоскости.

Так, само понятие «свобода» является достаточно спорной философской категорией, и ее понимание в таком ракурсе не может быть полностью экстраполировано на гражданские правоотношения. В законодательстве она приобретает форму дозволенного поведения, то есть свобода существует в установленных нормативных рамках. Казалось бы, что в таком смысле можно говорить об отсутствии свободы в принципе, однако такая позиция представляется неверной. В названном контексте категория «свобода» рассматривается нами, прежде всего, в правовом смысле, как необходимая форма для нормального существования гражданских правоотношений. Так, В. П. Малахов по этому поводу пишет следующее: «Идея правовой свободы опирается на мысль об ее ограниченности; правовая свобода понимается как способность ограничивать другого. Но свобода как реальная возможность делать все в рамках дозволенного является таким приспособлением к идее права, которое неизбежно приводит к искажению существа свободы» [1, с. 118]. Данное суждение наводит на вопрос: как правильно устанавливать пределы такой свободы, каковы ее рамки?

Ответ на озвученный выше вопрос является предметом спора не одного десятилетия. Так, анализируя договорное право как составную часть гражданского права разных государств в разные периоды, можно определить два подхода к пониманию норм договорного права: диспозитивный и императивный.

Первый выражен в качестве презумпции, действующей уже на протяжении длительного времени в ряде европейских государств. Он предполагает условную факультативность норм договорного права, согласно которой, они представляют собой правила, действующие по умолчанию в случае отсутствия в до-

¹ © Мельник А. С., 2022.

говоре каких-либо положений. Императивность в правовом воздействии используется лишь тогда, когда вопрос регулирования касается близких к публично-правовым общественным отношениям.

Второй подход также выражен в форме презумпции, только уже российской частноправовой науки. Суть его сводится к следующему: если норма прямо (текстуально) не указывает на возможность использования иных правил (предусмотренных в договоре), то реализуются правила, закрепленные в законе. По данной причине до 2014 г. огромный ряд норм второй части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2] носил несправедливо ограничительный характер, что вызывало недовольство со стороны юридического сообщества [3, с. 72]. Такое состояние гражданского законодательства и судебной практики считали несколько необоснованным следствием правопреемства некоторых позиций советского гражданского права, которое не признавало идею диспозитивности как таковую в силу существовавшей тогда идеологической модели.

В 2014 г. в результате масштабной дискуссии было принято постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» (далее – Постановление № 16) [4], которое заключило, что нормы, определяющие права и обязанности сторон договора, должны толковаться судом исходя из их существа и целей законодательного регулирования, т. е. суд должен принимать во внимание не только буквальное значение содержащихся в них слов и выражений, но и те цели, которые преследовал законодатель, устанавливая данное правило. Вышеупомянутое постановление внесло кардинальные изменения в правоприменительную деятельность судов, так как во многом переориентировало гражданское право на презумпцию диспозитивности норм, определяющих договорную свободу. Что послужило основанием возникновения доктринальных споров и формирования противоречивой судебной практики.

Так, подтверждением тому является Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 05.05.2017 № Ф07-2425/2017 по делу № А56-5652/2016 [5], которым была установлена неправомерность возмещения лишь фактически понесенных убытков в случае одностороннего отказа заказчика от договора возмездного оказания услуг, как это закреплено в ст. 782 ГК РФ. Суд сослался на положение, содержащееся в п. 4 вышеназванного Постановления № 16, согласно которому: «если норма не содержит явно выраженного запрета на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного в ней, и отсутствуют критерии императивности, указанные в п. 3 Постановления № 16, она должна рассматриваться как диспозитивная». Таким образом, суд применил норму наиболее разумно и справедливо, удовлетворив первоначальные (имеющиеся на момент заключения договора) интересы обеих сторон.

Имеется и иной пример, совершенно несоответствующий предыдущему, содержащийся в постановлении того же Арбитражного суда от 29 апреля 2016 г. по делу № А56-53045/2015 [6]. В данном случае суд посчитал, что закрепление в договоре условий штрафных санкций противоречат ст. 782 ГК РФ, так как

ограничивают право на расторжение в одностороннем порядке договора возмездного оказания услуг при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов, т. е. проигнорировал положения Постановления № 16, и толковал норму, как сугубо императивную, что послужило основанием к отказу в удовлетворении кассационной жалобы. Вместе с тем, думается, что такое решение и подход в целом тоже можно считать разумными и обоснованными, так как суд действовал исходя исключительно из положений закона, которые, по его мнению, позволяют более справедливо разрешить возникший спор.

Представленные примеры хорошо объясняют причину неоднозначности содержания Постановления № 16. В данном случае оно допускает некоторую подмену понятий, так как суд, применяя ту или иную норму договорного права, не просто толкует ее, а скорее определяет, т. е. предлагает иное правило, нежели содержащиеся в такой норме, за неимением возможности узнать, какой смысл был в нее заложен законодателем изначально. А, как известно, судебное толкование не является источником гражданского права и потому не может создавать норму, хотя и существуют примеры отступления от данного правила в правоприменении.

В то же время есть обратная позиция, которая является более распространенной. Она говорит о том, что толкование есть обязательная часть правоприменительной деятельности, не переходящее в определение, при таком условии применение положений постановления видится более обоснованным.

Вместе с тем сохраняются общеимперативные нормы, которые распространяют свое действие не только на договорные отношения. Так, ст. 10 ГК РФ устанавливает пределы гражданских прав, к которым относятся:

- недопустимость осуществления гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу;
- недопустимость действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав;
- недопустимость использования гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке.

Также ст. 421 ГК РФ предусматривает возможность принуждения к заключению договора, если этого требует закон либо добровольно принятое обязательство. Данные нормы выступают наиболее общими пределами договорной свободы, их содержание исключительно императивно и не может толковаться никаким иным образом, так как они являются прямыми гарантиями наиболее существенных прав субъектов гражданских правоотношений.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, нужно заключить следующие: договорная свобода есть необходимое условие здорового функционирования гражданских правоотношений, однако несмотря на наличие норм, устанавливающих общие пределы, определение ее границ вызывает ряд трудностей и споров в силу неоднозначного способа их закрепления и обоснования, что находит свое отражение в судебной практике. Данные противоречия неоспоримо требуют разрешения в связи с частичным нарушением принципа равенства всех перед законом и судом, однако пока они все еще существуют.

Список литературы

1. Малахов В. П. Философия права : учебное пособие. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. 164 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25.02.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document/consdocLAW5142/>.
3. Брагинский М. И. О нормативном регулировании договоров // Журнал российского права. 1997. № 1. С. 69–77.
4. Постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW.
5. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 5 мая 2017 г. № Ф07-2425/2017 по делу № А56-5652/2016 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/WOgugyoD1mJ/>.
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29 апреля 2016 г. по делу № А56-53045/2015 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/svji2acbDCQW/>.

*Мут К. Д.¹,
курсант международно-правового
факультета Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
*Малышева Н. А.,
преподаватель кафедры гражданского права
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ВОЗРАСТЕ ОТ 14 ДО 18 ЛЕТ

Гражданско-правовая ответственность как мера, предусмотренная действующим российским законодательством, – это вид юридической ответственности, который носит имущественный характер. Ее объем и, соответственно, последствия, которым подвергается лицо, совершившее гражданско-правовое правонарушение, напрямую зависят от такой категории, как дееспособность. Дееспособность играет важную роль в гражданском законодательстве, в ст. 21 Гражданского кодекса Российской Федерации она определяется, как способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. В свою очередь, дееспособность включает в себя такой элемент, как деликтоспособность, т. е. способность нести ответственность за свои действия и претерпевать негативные правовые последствия. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет – это особая группа граждан как в силу социального положения, так и в силу психологических и физиологических особенностей, по которым они привлекаются к ответственности за совершение правонарушений.

Проблема дееспособности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет занимает важное место в отрасли гражданского права, поскольку в отличие от малолетних, не достигших 14-летнего возраста, предъявляют к ним повышенные требования. По мнению Ю. Б. Сафоновой, это обусловлено тем, что «дети в этом возрасте уже в большей степени понимают значение своих действий и могут ими руководить, они способны в некоторой мере предвидеть те негативные последствия, которые могут наступить вследствие совершения ими противоправных деяний, поэтому лишь на строго указанных в законе лиц может возлагаться ответственность по возмещению вреда за несовершеннолетних в субсидиарном порядке» [5]. Несколько иную точку зрения, с которой следует согласиться, высказывают И. В. Евстафьева и П. А. Смаглиева. Они говорят о том, что «ограничиваться только возрастным критерием определения способности несовершеннолетних осознавать значение своих действий и отве-

¹ © Мут К. Д., 2022.

чать за них недостаточно. Несовершеннолетний гражданин к 14-летнему возрасту в силу объективных обстоятельств может и не приобрести соответствующий уровень сознания» [2].

Особенности гражданско-правовой ответственности несовершеннолетних можно рассматривать в сравнении с ответственностью малолетних по аналогичным основаниям. Так, если за вред, причиненный малолетним, отвечают его родители, опекуны или иные законные представители, то несовершеннолетний в соответствии с п. 1 ст. 1074 ГК РФ, по общему правилу, уже самостоятельно несет ответственность за причиненный им вред. При этом все-таки предусмотрены случаи, когда в качестве ответчика выступают родители, попечители и иные законные представители несовершеннолетнего: отвечают перед потерпевшим лицом лишь в той части, в какой не могут отвечать своим имуществом и доходами сами несовершеннолетние.

Еще одной важной особенностью является тот факт, что несовершеннолетние самостоятельно несут имущественную ответственность по совершаемым ими сделкам. При этом перечень таких сделок прямо предусмотрен в гражданском законодательстве. К ним относятся, например: мелкие бытовые и иные сделки, которые разрешено совершать малолетним гражданам, распоряжение заработком, стипендией и иными доходами, а также иные сделки, которые лицо может совершать только с согласия своих законных представителей. Однако в случае если у несовершеннолетнего будет недостаточно имущества, субсидиарную (дополнительную) гражданско-правовую ответственность несут еще и его законные представители.

К числу особенностей гражданско-правовой ответственности несовершеннолетних следует отнести их в определенной степени несамостоятельность. Поскольку данные лица еще не достигли совершеннолетия, они находятся под опекой родителей, усыновителей, попечителей и иных законных представителей. В гражданском праве, в отличие от уголовного и административного, допускается субсидиарная ответственность, когда в некоторых случаях ответственность может разделяться между непосредственно самим правонарушителем и третьим лицом, которое в силу закона связано с этим правонарушителем. Важно учитывать, что вина в ненадлежащем воспитании и надзоре за детьми презюмируется в отношении законных представителей и является условием для их несения ими ответственности. Помимо родителей и попечителей на тех же началах несут ответственность за несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет учреждения, которые в силу закона являются попечителями несовершеннолетних. К ним относятся: воспитательные и лечебные учреждения, учреждения социальной защиты населения и другие.

В заключение хочется отметить, что гражданско-правовая ответственность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет имеет свои особенности как по отношению к определенным группам лиц – малолетним и совершеннолетним в рамках одной отрасли права, так и по отношению к другим отраслям права. Став участником гражданского оборота, несовершеннолетний приобретает определенный набор прав и обязанностей. Однако в отличие от совершеннолетнего лица он не обладает полным объемом дееспособности на приобретение и осу-

ществление гражданских прав и создание обязанностей, отражается на особенностях привлечения его к ответственности за совершение гражданско-правового правонарушения. Эти особенности распространяются как на имущественную ответственность по совершенным сделкам, так и на обязательства, возникающие вследствие причинения вреда.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25.02.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document/consdocLAW5142/>.

2. Евстафьева И. В., Смаглиева П. А. Проблема гражданско-правовой ответственности несовершеннолетних лиц // Юридическая наука и практика: Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИИ России, 2019. С. 84–86.

3. Тиханова Н. Е. К вопросу о гражданско-правовой ответственности родителей малолетних причинителей вреда // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 6 (59). С. 98–100.

4. Якупова Р. Ф. Особенности гражданско-правовой ответственности несовершеннолетних // Наука в современном мире: приоритеты развития. 2015. № 1. С. 210–212.

5. Сафонова Ю. Б. О некоторых особенностях гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними гражданами // Сайт «Мудрый юрист». URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/62602-nekotorykh-osobennostyakh-grazhdansko-pravovoj-otvetstvennosti-vred-prichinennyj>.

Никонов И. В.¹,
курсант международно-правового
факультета Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ПРЕДНАМЕРЕННОГО БАНКРОТСТВА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Происходящие в последнее время события в политической и, главное, в экономической сферах приводят к широкому распространению такого правового явления, как банкротство юридических и физических лиц. Ризику банкротства подвержен каждый субъект предпринимательской деятельности, так как предпринимательство – это деятельность лица, осуществляемая на свой страх и риск.

Под банкротством понимается признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей [6].

Одновременно с понятием «банкротство» действующей правовой реальности известно понятие «преднамеренное банкротство». Однако Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) не закрепляет данное понятие, и ситуации с ним связанные. Подобные обстоятельства предусмотрены уголовным и административным законодательством. Так, в Уголовном кодексе Российской Федерации под преднамеренным банкротством понимается умышленное совершение действий (бездействия) юридического (физического) лица, заведомо направленных на наступление результата в виде неспособности удовлетворить требования займодателя по обязательствам в полном объеме. Из этого следует, что преднамеренное банкротство – это противоправное деяние. Для того чтобы своевременно выявить и пресечь это деяние, тем самым защитить интересы кредиторов от недобросовестных заемщиков, необходимо правильно определять признаки преднамеренного банкротства. Автор статьи считает, что необходимость выделения такого понятия, как «преднамеренное банкротство», состоит в том, что таким деянием правонарушитель может причинить куда более значительный ущерб кредитору, чем рядом иных противоправных действий в отношении его имущества, преду-

¹ © Никонов И. В., 2022.

смотренных действующим законодательством Российской Федерации. В связи с этим автор статьи предлагает выявить теоретические и практические проблемы, связанные с выявлением признаков преднамеренного банкротства. Для того чтобы определить проблемы выявления признаков преднамеренного банкротства, необходимо знать общие признаки банкротства. В теории выделяют ряд следующих основных признаков:

- наличие обязательств у должника денежного характера;
- неспособность юридического лица удовлетворить требования кредиторов по имеющимся обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей в течение трех месяцев с момента даты их исполнения.

Согласно ст. 2 Закона о банкротстве, в процессе банкротства назначают арбитражного управляющего, в обязанности которого входит, в том числе, выявление признаков преднамеренного банкротства посредством проведения экспертизы. Однако при проведении подобной процедуры арбитражный управляющий может столкнуться с рядом проблем:

Первая проблема – это правовая коллизия. Правила установления наличия или же, наоборот, отсутствия фактических признаков, присущих преднамеренному банкротству, закреплены в постановлении Правительства Российской Федерации «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» [3]. В процессе установления наличия или отсутствия таких признаков управляющий изучает все показатели значений и динамику коэффициентов, на основе которых в дальнейшем он определяет уровень платежеспособности должника. Расчет этих финансовых показателей предусмотрен Правилами проведения арбитражным управляющим финансового анализа, которые устанавливают коэффициенты, характеризующие платежеспособность должника, его финансовую устойчивость, деловую активность и т. д.

Изучение финансовых показателей должно проводиться на основе данных бухгалтерской отчетности юридического лица не менее чем за два года, которые предшествовали началу процедуры банкротства; учредительных документов; положений об учетной политике; отчетности филиалов; материалов налоговых проверок и нормативно-правовых актов.

По мнению автора настоящей статьи, бухгалтерская отчетность является наиболее информативным источником сведений, которым руководствуется арбитражный управляющий.

Вместе с тем в Федеральном законе «О бухгалтерском учете» перечислен перечень лиц, которые имеют право не вести квартальную отчетность. В связи с чем в некоторых случаях в ходе финансового анализа арбитражный управляющий не может оценить реальную платежеспособность должника, исходя из динамики коэффициентов на поквартальной основе, как того требуют правила, а значит, – сделать объективный вывод относительно деятельности юридического (физического) лица.

Вторая проблема: изучение совершенных сделок. В процессе изучения всех сделок, проведенных дебитором, арбитражному управляющему требуется определить соответствие этих сделок законодательству Российской Федерации.

Кроме того, следует установить наличие (отсутствие) факта совершения мнимых сделок, заключенных на условиях, не соответствующих рыночным показателям и послуживших причиной формирования или увеличения неплатежеспособности должника (если таковая имеется).

Главная сложность, которая возникает в процессе изучения заключенных сделок, состоит в сложности установления ситуации на рынке в отношении актива, который являлся предметом сделки, на момент проведения самой сделки. Трудность заключается в том, что для корректного определения действовавших в период проведения сделки рыночных условий арбитражному управляющему требуется привлечь профессиональных оценщиков. Данное обстоятельство влечет за собой определенные затраты на оплату услуг таких оценщиков. Согласно ч. 1 ст. 20.7 Закона о банкротстве, расходы на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, которые осуществляются за счет средств должника, не включают в себя расходы на оплату услуг лиц, привлекаемых для обеспечения текущей деятельности должника при проведении процедур в деле о банкротстве. В связи с этим возникает проблема оплаты таких услуг.

Третья проблема: недобросовестность управляющего. Помимо рассмотренных выше проблем, не менее значительной может являться тот факт, что управляющий, назначенный на проведение процедуры банкротства, может быть заинтересованной стороной или аффилированным лицом по отношению к должнику и действовать в интересах этого лица. Указанная заинтересованность может возникать в действительности, несмотря на то что в п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве указано, что арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества. Так, например, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в своем определении от 28 октября 2019 г. № 301-ЭС19-12957 отменила назначение конкурсного управляющего при ликвидации ООО «Дизель-Трейд» в силу наличия заинтересованности у управляющего лица по отношению к должнику.

Опираясь на вышесказанное, автор приходит к следующему выводу: преднамеренное банкротство юридических лиц является достаточно серьезным правонарушением, которое может причинять существенный вред кредиторам посредством лишения их возможности вернуть заемные средства. Во избежание подобных ситуаций необходимо правильно и своевременно устанавливать признаки преднамеренного банкротства. Для достижения данной цели в первую очередь необходимо выработать единый теоретический подход к определению таких признаков на основе действующего законодательства.

Список литературы

1. Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева. М. : Проспект, 2018. 1040 с.
2. Назаренко А. Е., Примаков А. М. Определение признаков фиктивного и преднамеренного банкротства // Вестник науки и творчества. 2016. № 4 (4). С. 129–132.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document/consdocLAW51>.

4. Федеральный закон от 6 декабря 2011г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document/cons>.

5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 октября 2019 г. № 301-ЭС19-12957 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW.

6. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/.

Пильникова А. С.¹,
командир отделения международно-правового
факультета Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ДЕЙСТВИЯМИ СОТРУДНИКОВ ОВД

В настоящее время Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» [1] устанавливает направления деятельности, руководящие принципы, правовые основы, объем прав и обязанностей, основы деятельности и правовой статус сотрудников полиции.

Целью деятельности правоохранительных органов в целом и подразделений полиции, в частности, является защита общества, привлечение нарушителей к ответственности и обеспечение безопасности.

Сотрудники полиции выполняют возложенные на них задачи путем применения принудительных мер административного и уголовно-процессуального характера, которые зачастую без достаточных оснований могут привести к публичному вмешательству в частные права и интересы, что влечет за собой нарушение прав и свобод и, как следствие, – причинение вреда имуществу, жизни и здоровью граждан. Поэтому для реализации принципов законности, соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина, лежащих в основе деятельности полиции, особенно важно, чтобы закон предусматривал ответственность сотрудников полиции за нанесенный ими ущерб.

Согласно действующему законодательству, сотрудники органов внутренних дел несут, в том числе, гражданско-правовую ответственность, имеющую определенные особенности, обусловленные наличием у них особого правового статуса.

Так, сотрудники правоохранительных органов могут быть привлечены к ответственности за умышленное причинение вреда другому лицу. Неосторожные действия также могут привести к судебному разбирательству. Такие случаи могут включать в себя игнорирование действий с практической осторожностью по отношению к другим, с которыми они взаимодействуют; несоблюдение разумной осторожности; причинение вреда другому лицу ввиду неисполнения возложенных на них обязанностей. Грубая небрежность имеет место, когда представители правоохранительных органов демонстрируют преднамеренное безразличие к ситуациям, требующим проявления разумной осторожности, что может привести к серьезным травмам, иному вреду жизни и здоровья человека, повре-

¹ © Пильникова А. С., 2022.

ждению имущества. Примеры такого рода небрежности включают в себя сознательное пренебрежение защитой охраняемых государством прав другого лица или умышленное причинение вреда физическому лицу.

Причинение вреда другому лицу в результате этих действий, игнорирование охраняемых государством прав или злоупотребление властью в соответствии с законодательством приводят к тому, что государство возмещает причиненный ущерб.

Анализ законодательства, регулирующего деятельность органов внутренних дел, показывает, что сотрудники, причинившие вред не при исполнении служебных обязанностей, несут ответственность по общим правилам гражданского законодательства [4, с. 122]. Ключевыми являются вопросы рассмотрения ответственности сотрудников органов внутренних дел за ущерб, причиненный в результате действий (бездействия), связанных с исполнением ими служебных обязанностей.

Возмещение вреда, причиненного противоправными действиями (бездействием) органов государственной власти и их служащих, гарантируется чч. 1–2 ст.ст. 45–46 и 52–53 Конституции Российской Федерации.

В настоящее время существует система положений о порядке применения ответственности за вред, причиненный правоприменителями, которая включает общие и специальные положения.

Правовые нормы гражданско-правовой ответственности государства за действия государственных органов и должностных лиц, в том числе сотрудников органов внутренних дел, изложены в ст.ст. 16–16.1, 1069–1071 ГК РФ. Ст. 1064 ГК РФ устанавливает общие условия ответственности за причинение вреда, ст. 15 ГК РФ закрепляет понятие вреда и разделяет его на фактический ущерб и упущенную выгоду.

Специальные положения закреплены в ст. 1070 ГК РФ, которая предусматривает особые случаи, т. е. перечень действий, дающих потерпевшему право на возмещение вреда, причиненного в результате действий должностных лиц или контролирурующих органов.

Практические вопросы, связанные с составом специального правонарушения ст. 1070 ГК РФ, являются наиболее распространенными ввиду регулярного применения правоохранителями норм об аресте, заключения под стражу и т. д. Данная норма имеет сложную правовую природу, в связи с чем отсутствует единый подход к ее применению как в теоретическом, так и в практическом плане.

Действия (или бездействие) публичных должностных лиц в совокупности с наступившими в результате них негативными последствиями являются достаточными для приведения в действие механизма ответственности органа публичной власти. Установление причинно-следственной связи представляет собой специальную правовую процедуру, устанавливающую детали этой связи. Именно связь между действием (или бездействием) и причинением вреда требует оценки законности (противоправности) деяния, умысла или неосторожности лица, совершившего деяние [3, с. 101].

Важное место среди рассматриваемых судом споров занимают споры по обязательствам, возникающим в результате отягчающих действий сотрудников МВД России, причиняющих недопустимо большой имущественный ущерб и репутационный вред системе. Особенностью гражданско-правовой ответственности сотрудников МВД России, выполняющих свои служебные обязанности, является тот факт, что, согласно ст. 1071 ГК РФ, ущерб возмещает не сотрудник, непосредственно причинивший вред, а Российская Федерация в лице МВД России и Министерства финансов Российской Федерации. Это обусловлено особым правовым статусом должностных лиц органов внутренних дел как представителей власти, которые выполняют государственно значимую функцию обеспечения правопорядка и общественной безопасности. Ввиду этого само государство несет ответственность за их незаконные действия (бездействие).

Следует отметить, что в настоящее время отсутствует единообразие в подходе судов к оценке оснований и условий наступления ответственности за вред, причиненный незаконными действиями (бездействием) при исполнении служебных обязанностей.

Изучение судебной практики по данной категории гражданских дел позволяет выявить следующие проблемы:

1. Применение судами норм трудового законодательства о материальной ответственности к правоотношениям по возмещению ущерба.
2. Непринятие судами результатов оперативных проверок в отношении сотрудников органов внутренних дел в качестве надлежащих доказательств противоправности и виновности их действий (бездействия).
3. Отказ в возмещении вреда, причиненного незаконными действиями сотрудника органа дознания или предварительного следствия, в связи с невозможностью доказать вину, несмотря на усеченный характер данного правоотношения (безвиновная ответственность).

Итак, общий анализ нормативно-правового регулирования гражданско-правовой и материальной ответственности сотрудников органов внутренних дел указывает их комплексное регулирование, которое включает нормы Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] и нормы ГК РФ. Необходимо подчеркнуть значимость правильного применения норм законодательства о службе в органах внутренних дел в сочетании с нормами гражданского права России.

Деятельность правоохранительных органов постоянно подвергается риску потенциальной ответственности, связанной, в том числе, с нарушениями гражданских прав. Такие судебные разбирательства могут включать иски общественной ответственности против должностных лиц и администрации, действий администрации против должностных лиц или действий должностных лиц против администрации или представителей общественности, которым они служат. Знание этих рисков и понимание того, как они возникают, крайне важны для сотрудников правоохранительных органов.

ГК РФ устанавливает, что порядок выплаты компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями органов государственной власти, регулируется

федеральными законами. Однако закон, который бы регулировал порядок выплаты компенсации, до сих пор не принят, поэтому такие вопросы определяются общими положениями о возмещении вреда. В связи с этими обстоятельствами судебная практика по возмещению ущерба, причиненного правомерными действиями сотрудниками органов внутренних дел, является достаточно сложной и противоречивой, в связи с чем подвергается критике со стороны исследователей. Проанализировав существующие перспективы, можно сделать вывод, что законодателю необходимо уделить значимое внимание вопросам компенсации вреда, который причиняется правомерными поступками, так как включение нормы о возможности причинения вреда должно содержать ответы о порядке его компенсации. В противном случае наблюдается излишне публичное вмешательство в частноправовую отрасль, что отрицательно отражается на балансе частных и общественных интересов. Это приводит к снижению доверия общества к законодателю и полиции.

Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» предусматривает, что возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями сотрудников ОВД при исполнении ими служебных обязанностей, осуществляется в порядке, установленном законодательством. Федеральный закон является основным документом, регулирующим порядок прохождения службы в ОВД, но в нем не прописан вопрос о возмещении ущерба, причиненного правомерными действиями сотрудников ОВД. Получается, что ни федеральные законы, ни ГК РФ не содержат случаев, с которыми законодатель связывает возможность возмещения ущерба, причиненного правомерными действиями. Такое отношение законодателя нельзя назвать ответственным и не создает эффективный механизм обеспечения прав и свобод граждан. Кроме того, Конституционный суд Российской Федерации в своем постановлении от 22 июня 2017 г. № 16-П разъяснил, что определенность права является одним из необходимых условий стабильности в сфере гражданского оборота и надлежащего уровня взаимного доверия его участников. Однако это представление вряд ли можно считать окончательным.

Таким образом, подводя итоги рассмотрения современного состояния гражданско-правового регулирования вопросов возмещения вреда, причиненного действиями сотрудников органов внутренних дел, можно сделать вывод, что принятых изменений по данному вопросу явно недостаточно для обеспечения полной реализации механизма защиты прав и законных интересов граждан, а также их права на возмещение (компенсацию) причиненного вреда. Такой механизм требует одновременного учета интересов не только граждан, но и государства. Поэтому насущной необходимостью в современном мире является принятие специального закона, регулирующего порядок осуществления возмещения вреда (материального и морального), причиненного правомерными действиями представителями органов власти (в том числе сотрудниками органов внутренних дел). Также необходимо отметить, что институт возмещения вреда, причиненного правомерными действиями государственных органов, занимает важное место в деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, поскольку, выполняя служебные задачи в рамках предоставленных

прав, они являются потенциальными субъектами причинения вреда в рамках предоставленных им прав и обязанностей. Действующий ГК РФ не содержит перечня законных действий, позволяющих возместить причиненный вред. В связи с этим механизм возмещения вреда, причиненного законными действиями сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, требует дальнейшего совершенствования.

Список литературы

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 21.12.2021) «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document/consdocLAW110165/>.
2. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW.
3. Малышева Н. А. Институт возмещения вреда, причиненного правомерными действиями государственных органов, в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 7. С. 100–103.
4. Чернова Е. Г. Актуальные проблемы гражданско-правовой ответственности сотрудников органов внутренних дел // Научный портал МВД России. 2020. № 2 (50). С. 122–132.

Помыкалова К. Г.¹,

*командир отделения международно-правового
факультета Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:

Малышева Н. А.,

*преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ПРАВОСПОСОБНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ЛИКВИДАЦИИ

Анализ положений источников гражданского права позволяет утверждать, что процесс ликвидации юридических лиц сопровождается постепенным изменением объема их правоспособности. Конечная точка этого процесса – заключительный этап ликвидации, который приводит к прекращению деятельности юридического лица как субъекта гражданского права, способного выступать в гражданском обороте.

Распад Советского Союза повлек за собой множество экономических проблем, влияние которых ощутили на себе представители постсоветского общества. Физическим и юридическим лицам часто приходилось подстраиваться под новые реалии, а всплески кризиса буквально «выбивали из колеи» вновь образовывавшиеся организации, которые на тот момент только начинали свой путь развития. Многие учредители осознавали ответственность своей деятельности, во многом полагаясь на свои силы, добросовестно вели бухгалтерский учет, платили налоги. Вместе с тем многие учредители юридических лиц того времени, не справляясь с внешними факторами, просто «покидали» свои организации, минуя процесс ликвидации юридического лица. Эти и многие другие события оставили свой отпечаток на дальнейшей судьбе юридических лиц в отечественном гражданском праве. Однако предметом рассмотрения настоящей статьи являются нормы и теоретические положения, касающиеся правоспособности юридических лиц.

Правоспособность юридического лица – это способность юридического лица быть носителем гражданских прав и обязанностей. В теории гражданского права выделяют два основных вида правоспособности юридического лица: общую (универсальную) и специальную. Общая или универсальная правоспособность дает возможность организации осуществлять любую деятельность, которая не запрещена законом, но участники организаций вправе ограничить объем правоспособности, закрепив такие положения в учредительном документе. Специальная, тем временем, предусматривает возможность заниматься определенным видом деятельности, которая требует определенного разрешения государства.

¹ © Помыкалова К. Г., 2022.

Здесь необходимо отметить, что в юридической теории понятие «правоспособность» нередко отождествляется с термином «правосубъектность», который также используется наукой гражданского права. Анализ позиций различных авторов показал, что некоторые из них выделяют такие понятия, как «юридические лица с особыми уставными задачами», «особый правовой статус». Однако, по мнению автора настоящей статьи, целесообразнее ограничиться понятием «правоспособность юридического лица» и ее видов, поскольку множественность терминологического аппарата может негативно повлиять на правоприменительную практику. Отметим, что объем прав юридического лица напрямую вытекает из конкретного вида правоспособности, который, в свою очередь, зависит от его организационно-правовой формы. Организационно-правовой формой является та форма хозяйствующего субъекта, которая отличается своей спецификой создания, способом закрепления и использования имущества, объемом прав, обязанностей и так далее [1, с. 136–140]. Но не все авторы согласны со связью организационно-правовой формы юридического лица и его правоспособностью ввиду отсутствия прямой связи между правовым статусом юридического лица и видами правоспособности.

Однако, по мнению автора, вопрос правоспособности напрямую связан с объемом его прав и обязанностей, которые, в свою очередь, обусловлены конкретной организационно-правовой формой. Если правовая регламентация ограниченной и универсальной правоспособности не вызывает вопросов, то пробелы и противоречия законодательства, связанного с ликвидацией юридического лица требуют особого внимания. Такой интерес вызван сложностью и многоступенчатостью процесса ликвидации, а также разным объемом прав и обязанностей юридического лица на разных стадиях ликвидации.

Для начала обратимся к формам ликвидации юридического лица: добровольной и принудительной. В соответствии с п. 1 ст. 92 ГК РФ юридическое лицо может быть ликвидировано с согласия всех участников (учредителей) [2].

Независимо от организационно-правовой формы юридического лица весь процесс сводится к поэтапной смене стадий, первой из которых является само принятие решения о ликвидации юридического лица. На этой стадии уполномоченное лицо принимает решение о назначении комиссии, а также устанавливает сроки и порядок предстоящего процесса. Из этого следует, что на первой стадии ликвидации права и обязанности юридического лица осуществляются двумя способами:

- 1) через учредителей (участников);
- 2) через уполномоченный орган.

Необходимо рассмотреть отличия учредителя от участника. Учредителем является физическое и юридическое лицо, учредившее свою организацию, а также участвующее в создании юридического лица. После регистрации организации применяется понятие «участник», которым может также быть как юридическое, так и физическое лицо. Вторым и немаловажным этапом ликвидации является назначение ликвидационной комиссии. Стоит отметить, что с момента назначения ликвидационной комиссии к ней переходит часть полномочий по распоряжению правами и обязанностями юридического лица. Так, согласно п. 3 ст. 57

Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО) [3], все полномочия по управлению делами общества переходят к ликвидационной комиссии с момента ее назначения. Фактически ликвидационная комиссия «отнимает» часть прав и обязанностей, тем самым частично ограничивая правоспособность юридического лица. Третьим этапом является уведомление контрагентов (кредиторов) о начале ликвидации путем публикации объявления в журнале «Вестник государственной организации». После двух месяцев составляется ликвидационный баланс, для этого учредителем предоставляется определенный перечень документов. Ликвидационный баланс утверждают учредители (участники) или исполнительный орган, который принял решение о начале ликвидации. Если возникнет ситуация, при которой имущества юридического лица будет недостаточно для удовлетворения требований кредиторов (контрагентов), то ликвидационная комиссия может произвести продажу этого имущества. Далее после утверждения ликвидационного баланса в Единый государственный реестр юридических лиц вносится соответствующая запись о завершении ликвидации. Если выполнить все требования в установленном порядке, в соответствии с установленными сроками, то весь процесс ликвидации занимает около полугода. Следует понимать, что ранее законодатель не регламентировал сроки ликвидации юридических лиц. Законодательство ограничивалось положением, согласно которому процесс ликвидации можно было продлить в судебном порядке не более чем на полгода в случае, если процедура затягивалась.

Однако последующие изменения, внесенные в специальные нормативные правовые акты, закрепили сроки ликвидации для конкретных организационно-правовых форм. Так, срок ликвидации общества с ограниченной ответственностью его учредителем или органом не может превышать один год. Данное содержится в п. 6 ст. 57 Закона об ООО.

Также существуют возможные риски возникновения ситуаций, связанных с увольнением работников ввиду начала ликвидационного процесса. По общему правилу, при ликвидации организации работодатель персонально оповещает об этом работника под роспись не менее чем за 2 месяца до расторжения трудового договора [4].

Безусловно, прекращение функционирования организации является итоговой точкой ограничения правоспособности юридического лица, как участника гражданского оборота, но этому способствуют различные детерминанты. Основными из них являются:

1. Отсутствие необходимости в дальнейшем существовании, так как все поставленные цели уже достигнуты.
2. Наличие ряда необоснованных расходов, которые препятствуют получению прибыли.
3. Задолженность перед кредиторами (контрагентами), которую учредители не могут погасить в установленный срок.

Таким образом, при рассмотрении ряда теоретических взглядов, различных причин ликвидации и других аспектов можно сказать, что категория правоспособности является неотъемлемым элементом (признаком) юридического лица,

характеризующим участие юридических лиц в гражданских правоотношениях. Применительно к юридическим лицам категория правоспособности имеет свою специфику и может динамично изменяться в процессе ликвидации. Ограничение правоспособности как элемента правосубъектности присутствует на определенных стадиях в большей или меньшей степени и направлено на достижение конкретных целей [5, с. 95].

Список литературы

1. Зарубин А.В. Гражданское право Российской Федерации // Власть Закона. 2017. № 2 (30). С. 136–140.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25.02.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document/consdocLAW5142/>.
3. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. №14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_17819/.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 07.10. 2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.
5. Лисецкий С. К. Влияние процесса ликвидации юридического лица на его правоспособность // Вестник Омского университета. 2017. № 3 (52). С. 95–97.

Серебряков С. В.¹,
курсант международно-правового
факультета Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

СОВРЕМЕННЫЙ ДОКТРИНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ИНСТИТУТА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ

Современное гражданское право включает в свою систему институт исковой давности. Изучение данной темы имеет важное теоретическое и практическое значение ввиду того, что некорректное применение положений обозначенного института может привести к таким негативным последствиям, как неоправданное отклонение иска или необоснованное его удовлетворение. Вопросы, касающиеся исковой давности, до недавнего времени считались в достаточной степени исследованными и не претерпевали важных и значительных изменений.

Стоит отметить, что нормы, регулирующие общественные отношения в сфере исчисления, а также применения института исковой давности, инертны и меняются вслед за изменениями самого общества. Несмотря на наличие исследований по данной теме, в последние годы указанный правовой институт претерпевает активные преобразования [3]. Интерес автора к изучению сроков искомой давности и иным аспектам данного института обусловлен наличием пробелов в законодательстве, требующих устранения.

Исковая давность является одним из центральных институтов гражданского права и служит для восстановления нарушенных субъективных прав в судебном порядке. Восстановление, а также защита нарушенных прав и свобод гарантируется каждому лицу в соответствии со ст. 46 Конституции Российской Федерации [1].

Особое значение и актуальность исследуемая проблема обретает при осмыслении теоретического функционала сроков искомой давности. По мнению многих ученых [8, с. 8], сроки искомой давности способствуют укреплению и развитию гражданского оборота. Анализируемая категория выступает гарантией правовой защищенности лица, чьи права были нарушены, и одновременно создает определенность поведения ответчика.

Важными проблемами юридической науки являются процедурные аспекты исчисления сроков искомой давности, среди которых: корректное определение момента, с которого начинается исчисление срока искомой давности; иные элементы, необходимые для правильного применения положений исследуемого ин-

¹ © Серебряков С. В., 2022.

ститута. Проблема исчисления сроков исковой давности изучалась дореволюционными отечественными учеными, советскими цивилистами и в настоящее время исследуется современными учеными в области частного права [7, с. 231]. Анализ научной и учебной литературы позволяет сделать промежуточный вывод о том, что большинство современных ученых опираются на отечественные источники и в меньшей степени изучают заявленную проблематику в контексте сравнительно-правового анализа с зарубежными национальными системами. По мнению автора настоящей статьи, современной доктрине гражданского права требуется проведение дополнительных диссертационных исследований с учетом зарубежного опыта.

Исковая давность является фундаментальным институтом гражданского права, который связан со многими гражданскими правоотношениями. Ее существенные характеристики позволяют сторонам своевременно заботиться о реализации своих прав на защиту. Само понятие исковой давности в контексте ретроспективного анализа отсылает нас ко временам римского права. Многие ученые считают, что исследуемый институт является «изобретением» римских юристов времен античности. Однако ее зачатки наблюдаются еще в Древней Греции. Не исключено, что древнеримские ученые при развитии норм института исковой давности опирались на разработки древнегреческих исследователей. Безусловно, изначально исковая давность не представляла собой стойкий институт римского частного права. Первоначально исковая давность включала в себя право на возражение ответчика (*praescriptio temporalis exceptio*) [5, с. 430], в своем дальнейшем развитии она прошла несколько метаморфоз.

Анализируя подходы к пониманию исковой давности, необходимо провести комплексное исследование фактора времени (сроков) в гражданском праве. Именно время в виде сроков является отправной точкой для понимания как сущности института исковой давности, так и предмета ее правового регулирования. Как показывает практика возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей, время является важным атрибутом, необходимым для урегулирования споров и восстановления нарушенных прав. Время как объективный фактор имеет значение не только для гражданского права, но и устанавливает правила для других отраслей национального права. Справедливое замечание относительно времени как важного фактора и элемента гражданского права высказывает К. Г. Савин, утверждая, что при защите гражданских прав время имеет большое значение [6, с. 204].

Немаловажным является определение понятия давности как элемента гражданско-правовых отношений. Само понятие «давность» несет в себе значение временного несоответствия самого обязательства и фактом его неисполнения. Сама сущность исследуемого института заключается в том, что законодатель легально ограничивает срок, при котором гражданин обладает возможностью восстановить нарушенные права и свободы. В соответствии с гражданским законодательством, в случае истечения самого срока исковой давности, суд вправе признать этот юридический факт основанием для отказа в удовлетворении искового заявления кредитора (абз. 2 п. 2 ст. 199 ГК РФ) [2].

Рассматривая исковую давность в качестве правового явления, стоит отметить, что она является юридическим фактом, наступление которого влечет определенные юридические последствия. Однако особое значение исковой давности как юридического факта заключается не только в том, что оно прекращает уже существующие обязательства между сторонами, оно изменяет и само свойство права требования. То есть при истечении сроков исковой давности любые заявления кредитора в отношении восстановления нарушенного права становятся несостоятельными и не имеют исковую силу. По мнению К. Г. Савина, при истечении сроков исковой давности кредитор утрачивает качество принудительности осуществления [6, с. 204]. Сложной задачей является определение объекта исковой давности. С позиции положений, выраженных в ст. 195 ГК РФ, объектом выступают «права», а в случаях, указанных в ст.ст. 207–208, 411 ГК РФ, объектом являются «требования». Так, в одном из дел Верховного Суда Российской Федерации признал, что в случае исполнения обязательств со стороны должника по уплате долга прерывается срок предъявления исполнительного документа к исполнению в отношении всех солидарных должников. Стоит отметить, что *Draft Common Frame of Reference* (далее – *DCFR*) присутствует понятие «*claim*», которое определяется как «требование чего-нибудь, основанное на осуществлении права» [4].

Подводя итог настоящего исследования, необходимо сделать вывод о том, что впервые понятие исковой давности было сформулировано в древнегреческом государстве и получило свое дальнейшее развитие в древнеримском праве. Изначально положения об исковой давности не представляли собой обособленный институт гражданского права, поскольку регламентировали лишь отдельные вопросы, связанные с возражением ответчика. Автором проведено комплексное исследование фактора времени (сроков) в гражданском праве: время влияет на возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей должника и кредитора. Сделан вывод об узком понимании исковой давности, в соответствии с которым, – это срок, в течение которого лицо вправе восстановить нарушенные права вследствие неисполнения должником обязательств. В широком смысле исковая давность является целым отраслевым институтом и включает в себя совокупность норм, призванных регулировать смежные правоотношения, возникающие в результате нарушения прав лица.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25.02.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document/consdocLAW5142/>.

3. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_145981/.

4. DCFR (III.–7:101: «Исковая давность по требованию исполнить обязательство («требование») истекает по истечении периода времени в соответствии с правилами настоящей главы») // Сайт «Trans-lex.org». URL: https://www.trans-lex.org/400725/_/outline-edition-/.

5. Покровский И. А. История римского права. СПб. : Летний сад, 1999. 538 с.

6. Савин К. Г. Исковая давность в современном отечественном и зарубежном гражданском праве : дис. ... канд. юрид. Наук : 12.00.03. М., 2019. 204 с.

7. Коваленко Е. С. Законодательство об исковой давности в России: историко теоретический анализ : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. 231 с

8. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Новое судебное толкование правил об исковой давности // Закон. 2015. № 11. С. 8.

*Хаврошина А. А.*¹,
курсант международно-правового
факультета Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ ПРИ БАНКРОТСТВЕ

В настоящее время достаточно большое внимание уделяется решению гражданских споров, которые возникают в связи с невыполнением одной из сторон определенных обязательств. Такое понятие как «медиация» получило свое распространение относительно недавно, это – категория альтернативной возможности решения правовых споров при помощи третьего лица-медиатора. Благодаря участию такого лица достигается цель – разрешение конфликта. Это происходит за счет достижения соглашения по определенным вопросам, однако стоит учесть, что стороны при этом полностью контролируют процесс принятия решений по урегулированию спора и условия его разрешения.

Стоит отметить, что в силу сравнительно «молодого возраста» процедуры медиации при банкротстве не получили широкого распространения. Сущность медиации заключается в ее направленности на решение тех же проблем, которые преследуют восстановительные процедуры положения лица при банкротстве.

В действующем законодательстве процедура медиации рассматривается как способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения [1]. Вместе с тем Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» [2] не содержит указания на возможность применения обозначенного способа урегулирования споров как в процессе процедуры банкротства, так и до начала данной процедуры. Следовательно, возникает вопрос: можно ли ее применять? Если да, то каковы основания ее применения?

Основные принципы, на которых базируется процедура медиации, – это равенство, беспристрастность медиатора, равное выражение воли сторон конфликта к применению медиации, добровольность, конфиденциальность сторон. Отвечая на ранее поставленный вопрос, следует отметить, что в п. 2 ст. 4 Закона о медиации указано, что спор, который уже передан на рассмотрение суда или третейского суда может быть разрешен путем применения процедуры медиации. Такое правило действует до принятия решения по спору соответствующим судом. Кроме этого, применение процедуры медиации возможно и в процессе осуществления судебного разбирательства.

¹ © Хаврошина А. А., 2022.

Началом процедуры медиации в досудебном порядке является принятие решения о заключении между сторонами спора соглашения о применении процедуры медиации. Второй этап связан непосредственно с заключением самого соглашения. Началом процедуры медиации в судебном порядке считается заключение сторонами спора мирового соглашения. В зависимости от вида судебного процесса (арбитражного или гражданского) необходимо обратиться к судье с ходатайством о применении данной процедуры. В процессе банкротства процедура медиации чаще всего проводится на этапе реструктуризации долгов. Это означает, что корреляция данного этапа процедуры банкротства с медиацией позволяет достичь более вероятного исполнения обязательств должником перед кредитором. Такой промежуточный вывод связан с тем, что обе стороны пытаются найти компромисс путем уступок. Важно отметить, что результат данной процедуры – это соглашение, условия которого должны устраивать обе стороны.

Несмотря на положительные стороны данной процедуры, существует и ряд негативных признаков, которые препятствуют применению данной процедуры, а иногда делают ее практически невозможной.

1. Отсутствие конкретного законодательного регулирования. Арбитражный и гражданский процессуальные кодексы практически ничего не говорят правоприменителю о применении медиации. Также в законе о банкротстве отсутствуют нормы, адресующие правоприменителя на возможность реализации данной процедуры, что значительно осложняет возможность ее применения, так как ее осуществление может стать причиной правовых коллизий.

2. Процедура медиации требует высоких квалифицированных кадров для качественного осуществления деятельности. Данная процедура связана с применением знаний и навыков в области психологии и конфликтологии. Так как до сих пор человеческая психика не изучена полностью, данное обстоятельство осложняет процесс применения процедуры медиации. Для успешного разрешения конфликтов людей с разными темпераментами и складами ума следует быть настоящим профессионалом своего дела.

3. Участие в процессе осуществления процедуры банкротства представителей государственных органов (ФНС России) осложняет или даже делает невозможным совершение процедуры медиации. Это связано с тем, что процедура медиации часто не отвечает задачам и целям деятельности представителей налоговых служб.

В качестве примера осуществления процедуры медиации при решении споров можно привести случай, возникший в судебной практике Смоленской области. Так, при рассмотрении дела № А62-2812-4/2020 Арбитражным судом Смоленской области от гражданина поступило заявление о том, что между ним как поручителем и банком имеется медиативное соглашение, согласно которому, к нему переходят все права кредитора с момента погашения им долга в 5 млн руб. Суд пришел к выводу о том, что заявление гражданина следует рассмотреть даже при том, что требование банка еще не было включено в реестр. Суд уделил особое внимание условиям медиативного соглашения и усмотрел в нем условия договора уступки права требования. Банк обязался передать все права по кредитному договору при условии исполнения поручителем обязательств на сумму 5 млн рублей» [3]. Поскольку исполнение гражданином обязательств

подтверждалось платежными документами, суд удовлетворил его требования о процессуальном правопреемстве.

Существует ряд правоведов, которые также изучали вопрос применения процедуры медиации в банкротстве, к ним можно отнести М. Ю. Василегу [4], Г. Г. Меланич [5], А. С. Удодова [6] и др. Анализ научной и учебной литературы позволяет сделать вывод о том, что процедура медиации является перспективным направлением в гражданском и арбитражном процессах. Это обусловлено тем, что медиатор, применяя свои профессиональные навыки, способен разрешить конфликт, не доводя его до реальных негативных последствий. Преимущества медиации заключаются и в сроках ее проведения: если сама процедура банкротства может длиться не один год, то медиация, которая проходит в 2–3 переговорные сессии, может значительно сохранить время участников процесса. Однако существует ряд сложностей, над которыми нужно работать в целях совершенствования применения процедуры медиации в процессе банкротства.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193–ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/.
2. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/.
3. Определение Арбитражного суда Смоленской области по делу №А62-2812-4/2020 от 1 октября 2021 г. // Сайт «Медиатор.рф». URL: <https://clck.ru/32UD5b>.
4. Василегу М. Ю. Медиация в банкротстве // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. № 6 (153). С. 57–63.
5. Меланич Г. Г. Медиация в системе отношений несостоятельности (банкротства) // Перспективы становления и развития медиации в регионах : сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Саратов, 4 декабря 2015 г.). Саратов : Наука, 2015. С. 77–80.
6. Обмачевская А. И., Удодова А. С. Проведение процедуры медиации в делах о банкротстве // Аллея науки. 2018. Т. 3. № 3 (19). С. 510–512.

Шапкина Л. С.¹,
курсант международно-правового
факультета Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

СМАРТ-КОНТРАКТЫ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ

В настоящее время особенную значимость стали приобретать смарт-контракты, которые начали заменять традиционный способ заключения договоров. Сами по себе контракты подобной формы обрели свою популярность с развитием цифровизации на рубеже XX–XXI вв. Впервые термин смарт-контракт, именуемый иначе как самоисполняемый договор, был использован в 1994 г. Ником Сабо, американским криптографом и выдающимся ученым в области компьютерных технологий. *Smart contract* представляет собой определенный алгоритм, иначе говоря, набор правил, предназначенный для проверки условий контракта в цифровом виде, а также автоматизации процесса исполнения данного документа. Представляется, что данный термин подлежит интерпретации с разных аспектов. Так, можно сказать, что смарт-контракт – это набор программных кодов, предназначенных для заключения договора с помощью электронных средств. Именно в таком ключе данное понятие рассматривали О. С. Гринь, А. В. Соловьев и Е. С. Гринь [1, с. 51–62] Более полное определение было внесено в проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах», который закреплял смарт-контракт как «договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых переводов в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств» [4]. Контракты подобной электронной формы имеют определенные характеристики. Во-первых, фактически смарт-контракт является разновидностью гражданско-правового договора в электронной форме. Согласно мнению А. И. Савельева, который изучает смарт-контракты как в юридическом, так в техническом аспектах, они существуют только в электронном поле и предполагают исключительное использование электронной подписи; осуществление и реализация договора происходят с использованием базы данных блокчейн технологий, при этом условия договора прописаны на одном из языков программирования [5, с. 31–60]. Стоит отметить, что к смарт-контрактам невозможно применять традиционные средства толкова-

¹ © Шапкина Л. С., 2022.

ния ввиду того, что они имеют высокую степень определенности. Данное свойство можно и опровергнуть, так как нет гарантий того, что зафиксированные с помощью использованных программных средств юридические условия будут успешно соблюдаться при возникновении технических ошибок. Например, при появлении ошибки невозможно применить институт реституции, так как техническая возможность возврата *smart contract* отсутствует для исполнения по сделке. Следующим параметром является наличие самоисполнимости. Иными словами, контракт не требует постороннего вмешательства в процесс его исполнения, что является его огромным преимуществом с экономической и временной точек зрения по сравнению с традиционными контрактами. Также стоит отметить условный характер смарт-контрактов, который означает, что исполнение обязанностей одной стороны обусловлено наступлением определенных целостных обстоятельств и последствий. Еще одной особенностью признается невозможность внести какие-либо изменения в контракт после того, как его разместили в сети блокчейн.

Также следует отметить, что на данном этапе реализация смарт-контрактов имеет явные пробелы, которые препятствуют должному функционированию данного электронного инструмента. Одной из таких проблем является несовершенство процедуры составления смарт контракта. Указанный аспект проявляется в человеческом факторе специалиста, который создает документ и может допустить ошибки в написании программного кода. В таких случаях В. М. Камалян предлагает заключать специальное соглашение с условием ответственности за ошибки в составленном документе между программистом и заказчиком [7]. Подобного рода ошибки могут привести к неприятным последствиям. Например, потеря активов в виде цифровых валют или нарушение договоренности сторон о купле-продаже товаров ненадлежащего качества.

Для понимания новой прогрессивной формы сделки стоит рассмотреть несколько подходов к самой природе смарт-контрактов. Здесь следует обозначить, что не существует определенного единого подхода. Исследование публикаций авторов позволяет выделить три основных подхода, которые более полно раскрывают сущность *smart contract*. К их числу относятся: техническая, смешанная и юридическая концепции.

По поводу технической концепции Л. А. Новоселова отмечает, что вследствие того, что смарт-контракт расположен в области блокчейн-технологии и требует определенных технических программ и средств, а исполнение смарт-контракта – это внесение соответствующих записей в базу данных, то подобной формы контракт не имеет отношения к юридическим договорам и является исключительным программным кодом [8, с. 29–44]. Сторонником данной концепции также является Андрес Гаудамуз, который находит единственным правильным решением рассматривать смарт-контракт только с технической стороны. Он указывает на то, что правовой ответ, который выдает умный контракт, полностью зависим от его технических возможностей [9].

Юридическая концепция имеет противоположный взгляд на смарт-контракты. Она указывает на то, что их можно признавать самостоятельным видом гражданско-правовых договоров, наравне с договором присоединения, абонентским дого-

вором и иными. Сущность данного подхода заключается в том, что любой вид гражданского договора вправе считаться смарт-договором, если его исполнение требует технического вмешательства.

Смешанная концепция содержит в себе элементы двух вышеперечисленных концепций. Ее сущность сторонники определяют через определение смарт-контракта как «программный код, основанный на технологии блокчейн, который по юридическим признакам представляет собой юридически значимое сообщение, записанное на языке (искусственный язык) и скрепленное электронной цифровой подписью каждой из сторон (или заверенное специальным ключом)» [10, с. 285–300].

Что касается принципа работы смарт-контракта, он заключается в использовании технологии распределенных реестров, в которых хранится и дублируется информация. Также работа умного контракта контролируется и определяется с помощью алгоритма, состоящего из программного кода. Это позволяет обеспечить его единство и не изменять условия договора. Правило использования информации охватывает открытый доступ к общему реестру, с помощью которого можно проверить целостность и условия договора. В качестве примера можно привести учет активов и осуществление операций с ним в соответствии с заданным алгоритмом. В данном случае алгоритм подтверждает выполнение условий и автоматически определяет, должен ли актив перейти одному из участников или остаться у текущего. Для работы смарт-контрактов, а также для получения данных из внешних источников и использования ее внутри системы применяются серверы «оракулы». Данные серверы могут предоставлять информацию с рынка бирж о ценных бумагах, о курсе валют, что позволяет обеспечивать связь реестра с внешним миром. Описать действие смарт-контракта можно следующим образом: его создание (цикл действия) начинается с установления условий документа между участниками; далее следует подключение его к внешним и внутренним системам, ожидание внешних реестров, оценка контрактом своего статуса и самоисполнения смарт-контракта при соблюдении условий.

Представляется необходимым отметить не только теоретический, но и практический аспект смарт-контрактов. Применение данного вида контракта можно рассмотреть на примере выборов. Смарт-контракт способствует обеспечению максимальной безопасности данных и утилизирует возможные подмены. Результаты выборов, представляющие собой заключительный этап голосования, подвергаются шифровке, копируются между узлами и помещаются в сеть блокчейн. Подобного рода метод позволяет исключить различные действия, связанные с подделкой голосов.

Смарт-контракты получили свое распространение в сфере азартных игр, а конкретно – в тотализаторе, который представляет из себя игру на деньги. Можно привести наглядный пример: два участника хотят сделать ставки на такие команды как А и Б, в таком случае их ставки сохраняют свое существование в блок сети. После окончания смарт-контракт проверяет результаты матча и автоматически переводит средства победителю. В случае ничьи средства переводятся всем участникам спора. Также преимущество выбора смарт-контракта

состоит в отсутствии необходимости оплачивать комиссию, которую обычно взимает букмекерская компания.

В настоящее время широкого распространения смарт-контракты достигли и в банковской системе. Так, с помощью умного контракта произошла автоматизация множества банковских услуг, например, финансирования поставок, предоставления ипотечных кредитов и кредитования малого бизнеса. За счет автоматизации заключения и расторжения банковских договоров, мониторинга статуса залогового имущества, а также отслеживания передвижения активов смарт-контракты смогли минимизировать денежные расходы банка. Использование смарт-контрактов позволяет сократить использование человеческого ресурса, также они позволяют автоматизировать платежи сторон договора, что в свою очередь приводит к сокращению издержек. Наглядным примером выступает один из крупнейших банков *Barclays*, который при заключении сделки с аккредитивами использует такие электронные документы, как страховой сертификат, сертификат происхождения товара и товарно-транспортную накладную. Крупнейший банк Испании *Banco Bilbao Vizcaya Argentaria* использует смарт-контракты для предоставления кредита. Компания *BBVA* выдала 75 млн € клиенту с использованием умного контракта и, соответственно, технологий распределенных реестров, тем самым уменьшили возможность проявления мошеннических действий и снизили временные издержки.

В заключение стоит отметить, что многие представители различных сфер экономики внедряют смарт-контракты взамен традиционных договоров с целью оптимизации многих процессов и сокращения издержек на выполнение денежных операций. Смарт-контракты могут способствовать улучшению связи между государством и организациями. Для полноценного функционирования электронных контрактов необходимо решить ряд правовых и организационных вопросов.

Список литературы

1. Гринь О. С., Гринь Е. С., Соловьев А. В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // *Lex russica*. 2019. № 8. С. 51–62.
2. Богданова Е. Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // *Lex russica*. 2019. № 7. С. 23–30.
3. Павлова Д. А. Смарт-контракт: правовое регулирование в Российской Федерации и за рубежом // *Молодой ученый*. 2020. № 32 (322). С. 118–120.
4. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/.
5. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // *Вестник гражданского права*. 2016. № 3. С. 31–60.
6. Ефимова Л. Г., Сизимова О. Б. Правовая природа смарт-контракта // *Банковское право*. 2019. № 1. С. 23–30.

7. Камалян В. М. Правовые риски использования цифровых технологий в банковской деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 32–39.

8. Новоселова Л. А. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 29–44.

9. Guadamuz A. All Watched Over by Machines of Loving Grace: a Critical Look at Smart Contracts // Computer Law & Security Review, 2019, vol. 35, pp. 35–41.

10. Kirillova E. A., Bogdan V. V., Lagutin I. B. Legal Status of Smart Contracts: Features, Role, Significance // Juridicas Cuc, 2019, vol. 15, pp. 285–300.

Шелепина В. А.¹,
курсант международно-правового
факультета Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ИНФОРМАЦИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ

Последнее десятилетие характеризуется активным развитием цифровых технологий, которые, в свою очередь, значительно влияют на различные сферы человеческой жизнедеятельности: экономику, политику, финансы, досуг граждан и др.

В настоящее время благодаря достижениям человечества в IT-сфере каждый желающий без труда может дистанционно получить любые умения, навыки и даже образование. На смену живому общению все более активно приходят социальные сети и мессенджеры. Каждый пользователь современных технологий обладает свободным доступом ко всему мировому опыту, который в совокупности всех элементов образует сведения об окружающем мире, называемые информацией. На фоне научно-технического прогресса возрастают роль и значение информации как ценного ресурса. Все вышесказанное подтверждает объективную необходимость проведения исследования о способности информации выступать в гражданском обороте.

Из анализа последней редакции Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), а именно ст. 128 «Объекты гражданских прав», следует, что информация напрямую не относится к объектам гражданских прав. По мнению автора, ее существенные характеристики позволяют косвенно связать информацию с нематериальными благами, однако точного нормативно-правового указания на это в кодексе не содержится.

Такое состояние законодательства частично обосновано отсутствием в некоторых случаях способности информации порождать права и обязанности субъектов, что является обязательным свойством объектов гражданских прав. Данный тезис нивелируется тем фактом, что зачастую она все-таки обладает названным признаком. Так, информация, касающаяся личной жизни субъектов, не ведет к возникновению прав и обязанностей в той части, которая не относится к нематериальным благам, в то же время она имеет огромное значение в контексте активной конкуренции субъектов предпринимательства.

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим всю отечественную информационную сферу, является Федеральный закон № 149–ФЗ «Об инфор-

¹ © Шелепина В. А., 2022.

мации, информационных технологиях и о защите информации», который в ст. 2 раскрывает понятие «информация» следующим образом: «информация – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» [2]. Также в ст. 5 названного закона предусмотрено участие информации в гражданском обороте, а в ст. 17 закреплена ответственность за правонарушения в сфере информации (в том числе и гражданско-правовая) [2].

Анализ нормативно-правовых актов, связанных с информацией, позволяет утверждать, что информация участвует в гражданских правоотношениях и защищается нормами гражданского права. Информацию можно разделить на три группы: общедоступную, которая свободно участвует в гражданском обороте посредством копирования и переработки; информация как результат интеллектуальной собственности, которая выступает предметом регулирования патентного права и непосредственно охраняется гражданским законодательством; закрытая информация, т. е. сведения, являющиеся государственной тайной, персональные данные и коммерческая тайна.

Парадоксально, что в редакции ст. 128 ГК РФ № 2 от 12 августа 1996 г. информация была включена в текст в качестве самостоятельного объекта гражданских правоотношений. Но уже в редакции ГК РФ № 30 от 13 мая 2008 г. она была исключена из перечня объектов гражданских прав. Предполагаем, что такое исключение могло быть связано с тем, что законодатель включил информацию в число иных объекты гражданских прав. Однако к аргументам подтверждения или опровержения данного предположения автор обратится чуть позже.

Обращаясь к теории гражданского права, стоит отметить, что среди ученых нет единого мнения по рассматриваемому вопросу. Так, Д. С. Лебедева и А. О. Яценко [4] считают, что информация должна быть включена в объекты гражданских правоотношений. Свое мнение они аргументируют особыми признаками, характерными для информации: дискретность, принадлежность субъектам (юридическая привязка), системность, полезность. Наличие из этих признаков, по мнению указанных авторов, позволяет признать информацию самостоятельным благом, требующим нормативно-правового закрепления.

Противоположную позицию занимает Р. С. Бевзенко [5], утверждающий, что информация не является объектом ст. 128 ГК РФ, так как информация в его понимании – это обязанность лица, а объектом выступают конкретные действия людей. Иные ученые говорят о том, что информацию нужно отнести к такому объекту гражданских правоотношений, как услуги.

Автором настоящей статьи поддерживается позиция юристов и ученых-правоведов, признающих информацию самостоятельным объектом гражданских правоотношений, а также необходимость ее правовой регламентации в ГК РФ.

Для подтверждения своей позиции рассмотрим судебную практику. Так, Тринадцатым арбитражным апелляционным судом рассматривалось дело № А56-35417/2012 по спору о непредоставлении истцу запрошенной информации [5]. Обществу требовалась информация для поиска клиентов, которым требуется оказание консалтинговых и иных услуг. Судом установлено, что, согласно п. 1 ст. 5 ФЗ № 149, объектом публичных отношений выступает информация о деятельности государственных органов.

В современных условиях информацию стоит рассматривать как экономическое благо, которое участвует в гражданских правоотношениях, является неотъемлемой частью этого механизма. Однако информация является особым объектом гражданских правоотношений, в процессе которых информация может собираться, перерабатываться, храниться и распространяться в различных целях.

Проведенный анализ наглядно демонстрирует роль информации в современном гражданском обороте. По мнению автора настоящей статьи, информацию необходимо включить в ст. 128 ГК РФ, поскольку она является особым благом, участвующим в гражданском обороте, имеющим свою специфику.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25.02.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc.
3. Постановлением Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 25 декабря 2012 г. по делу № А56-35417/2012 // Сайт «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/9vX9J5>.
4. Лебедева Д. С., Яценко А. О. Информация как объект гражданского права // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. 2017. № 4 (69). С. 163–167.
5. Гаврилов О. А. Информатизация правовой системы России: теоретические и практические проблемы. М., 2015. 63 с.

Шуршина А. А.¹,
курсант международно-правового
факультета Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ САМОЗАНЯТЫХ

В Российской Федерации, как и во всех странах мира, произошло глобальное развитие всех сфер жизни общества с развитием научно-технического прогресса. Что же касается сферы труда, то отмечается сокращение полной занятости граждан. Раньше занятость населения характеризовалась наличием заработной платы, договоров, места работы, рабочего времени, отпуска и других составляющих. По словам Ю. Н. Попова и А. В. Шевчука, «между занятостью и безработицей существовала четкая грань» [1]. Люди редко меняли работу и предпочитали постоянство, что влекло за собой определенную стабильность общества.

В настоящее время актуальна тенденция снижения подчиненности работника от работодателя, которая характеризуется следующими признаками: неполный рабочий день, временная работа, работа на дому, занятость частной практикой и др. Нетрудно заметить, что указанные признаки представляют собой самостоятельные формы труда, которые сложно контролировать государству. Сложность заключается в том, что такие формы труда открывают широкие возможности «теневой» занятости, поскольку они не проходят процедуру закрепления в официальных документах. Еще одной современной формой, не имеющей достаточной правовой определенности, является самозанятость.

Самозанятыми принято называть плательщиков налога на профессиональный доход (далее – НПД). Часть граждан, самостоятельно осуществляющих профессиональную деятельность, платят низкий налог НПД 4–6 %, не оплачивают страховые взносы, но бесплатно пользуются благами общества. В результате государство не получает часть возможных доходов, а граждане лишают себя страховой пенсии в будущем, не производя отчислений в пенсионный фонд.

Как было отмечено выше, к самозанятым применяется особый налоговый режим, который получил название «налог на профессиональный доход», однако порядок и сфера его применения законодателем определены недостаточно четко. Представляется, что более ясная правовая регламентация их правового статуса и правовых гарантий может способствовать развитию предпринимательской деятельности населения: расширятся возможности саморекламы, поиск

¹ © Шуршина А. А., 2022.

клиентов станет более доступным и простым, откроются более широкие возможности получения займов и кредитов.

Актуальной проблемой остается и сам правовой статус самозанятых, единый для всей сферы труда. Отсутствие четких границ правового статуса влечет за собой возможность привлечения к различного рода ответственности, в том числе за незаконное предпринимательство. Кроме того, возникает вопрос относительно их правовых гарантий.

Основной нормативный документ, регулирующий вопросы деятельности самозанятых, – это Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [2] (далее – Закон о проведении эксперимента), который вводит правила работы самозанятых граждан и индивидуальных предпринимателей. Помимо обозначенного закона, существует ряд писем Минфина и ФНС, разъясняющих деятельность граждан в данном направлении.

Само понятие «самозанятый» не закреплено в официальных источниках Российской Федерации. Использование определено английским понятием «*self-employed*» – дословно «нанявший себя», работающий на себя, самозанятый. В настоящее время самозанятость в отечественном понимании является экспериментом. Эксперимент проводится до 31 декабря 2028 г. включительно [2]. Такая форма трудовых отношений заимствована у зарубежных стран, таких как Великобритания, США, Германия, Латвия, Белоруссия. Под самозанятостью следует понимать определенную форму занятости, при которой человек получает прибыль от своей профессиональной деятельности.

Поскольку правовое положение самозанятых нестабильно ввиду их неочевидного правового статуса, то в некоторых нормативно-правовых актах самозанятых смешивают или сопоставляют с индивидуальными предпринимателями либо вообще не упоминают. Например, пенсионное законодательство вообще не содержит понятия самозанятых [3].

Так, фонд социального в своем письме [4] оперирует понятием «самозанятые» и указывает на то, что самозанятые не подлежат регистрации в качестве страхователей, добровольно вступивших в правоотношения по обязательному социальному страхованию. Налоговый кодекс Российской Федерации не упоминает данное понятие.

Нередко происходит путаница понятий самозанятых и физических лиц как субъектов гражданского права. Однако стоит понимать, что данные категории отделены друг от друга и существуют самостоятельно. В Федеральном законе от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», Законе о пенсионном страховании и Законе о медицинском страховании физические лица являются отдельной категорией. Физические лица вступают в правоотношения на основании гражданско-правового договора или договора авторского заказа.

При определении статуса самозанятых неизбежно возникает вопрос: является ли их деятельность предпринимательской? Безусловно, их деятельность направлена на получение прибыли, осуществляется на свой страх и риск, может

осуществляться с регистрацией в качестве индивидуального предпринимателя или без таковой. Отличие состоит лишь в том, что самозанятость является профессиональной деятельностью, предполагающей исключительно личное оказание работ и услуг, а также получение дохода от использования личных ресурсов или личного имущества, то есть без привлечения наемных работников.

В настоящий момент деятельность самозанятых лиц осуществляется в рамках гражданско-правовых отношений. Однако правовое положение до конца неопределенно, поскольку единая государственная политика самозанятых граждан отсутствует. Помимо этого, законодательством не предусмотрено закрепление категорий, важных в деятельности самозанятых и в то же время являющихся весьма индивидуальными. Безусловно, законодателю следует заняться проработкой данных вопросов для категории самозанятого населения, что позволит предотвратить незащищенность правового, экономического и социального положения данных лиц.

Для того чтобы гражданину обрести статус самозанятого, ему необходимо зарегистрироваться в качестве плательщика налога на профессиональной основе. В век компьютерных технологий сделать это просто: достаточно установить мобильное приложение «Мой налог» либо зайти в личный кабинет налогоплательщика.

Как только самозанятый получает прибыль (наличными денежными средствами, электронными деньгами, на карту физического лица и др.) за профессиональную деятельность, он оформляет чек в приложении и передает клиенту. Если деньги получены от индивидуального предпринимателя или юридического лица, то в чеке обязательно указывается ИНН.

Ставки налогов самозанятых достаточно низкие и доступны для всех: 4 % с доходов от физлиц; 6 % с доходов от юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Они оплачиваются исключительно с полученной прибыли, т. е. государство не устанавливает иные виды налогов.

Способ легализации доходов самозанятых достаточно прост, поскольку они не обязаны платить страховые взносы, приобретать кассу, открывать счета в банках и т. д. [5]

Ранее было сказано, что ст. 1 Закона о проведении эксперимента строго обозначает территорию регионов, которые могут участвовать в эксперименте.

Самозанятыми вправе стать репетиторы, фотографы, пекари, няни. Кроме того, самозанятым разрешено сдавать помещения в аренду.

В ст. 4 Закона определен круг лиц, к которым не может быть применен специальный правовой режим. Так, не вправе применять специальный правовой режим лица, которые продают подакцизные товары и товары, подлежащие обязательной маркировке; перепродают товары и имущественные права (исключение составляет – продажа имущества, которое было использовано самозанятым для личных нужд); лица, занимающиеся добычей и реализацией полезных ископаемых; нанимающие работников, оказывающие услуги по доставке товаров и принимающие платежи за эти товары в интересах других лиц; лица, чей доход более 2,4 млн руб. в год [2].

Гражданин может быть самозанятым и работать по трудовому договору одновременно (письмо ФНС № СД-4-3/17127 от 28 августа 2019 г.) [6]. При совмещении таких видов деятельности важно не оказывать услуги работодателю или бывшему работодателю в течение двух лет со дня увольнения (ст. 6 Закона о проведении эксперимента), если гражданин является самозанятым. Данное правило выступает своего рода мерой предосторожности для того, чтобы работодатели добросовестно уплачивали налоги, а не злоупотребляли своими правами.

Если же человек работал в определенной организации по гражданско-правовому договору без заключения трудового договора, в таком случае ограничения не возникают, и самозанятый может свободно оказывать услуги фирме, не дожидаясь истечения двух лет.

В 2020 г. плательщиков НПД приравнивали к представителям малого и среднего бизнеса. В результате поддержка, оказываемая государством малому и среднему бизнесу, стала распространяться и на самозанятых. Благодаря Постановлению Правительства РФ от 29 сентября 2020 г. № 1563 [7] самозанятые могут пользоваться льготной арендой коворкингов и офисов, кредитами с небольшой ставкой, консультациями специалистов, принимать участие в госзакупках на особых условиях. Однако конкретные условия поддержки вводятся местными властями, поэтому такие гарантии варьируются в зависимости от региона.

Каждому самозанятому при регистрации предоставляется налоговый вычет в размере 10 тыс. руб. [2]. Граждане от 16 до 18 лет, зарегистрировавшиеся как самозанятые, получают еще один налоговый вычет — в размере 12,1 тыс. руб. Эти деньги можно тратить, оплачивая 1 % или 2 % налога. Если дохода у самозанятого нет, то и вычетом воспользоваться не получится.

Самозанятые могут работать без онлайн-кассы, посещать тренинги в региональных центрах поддержки предпринимательства, участвовать в закупках и вебинарах. Периодически региональные центры поддержки предпринимательства предлагают бесплатный доступ к сторонним образовательным программам.

Государство позволяет самозанятым заключить с ним социальный контракт. Есть несколько видов поддержки: субсидия на открытие бизнеса; деньги на обучение и переобучение; средства на поддержку подсобного хозяйства.

Самозанятым предоставлено право на формирование пенсионных прав в добровольном порядке. Чтобы ведение бизнеса засчитывалось в пенсионный стаж, необходимо вносить добровольные взносы в ПФР. Если самозанятому требуются социальные гарантии по оплате больничных, ему следует зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя.

Размер пособия для самозанятых — минимальный. С 1 февраля 2021 г. пособие составляет 7 тыс. руб. Чтобы получать пособия на детей до трех и до семи лет, самозанятые должны доказать, что их доход не выходит за верхнюю границу установленных критериев. Оформить потребительский кредит на личные нужды или ипотеку на покупку жилья самозанятые могут на общих основаниях, как и другие физические лица.

Государство оказывает поддержку самозанятого населения, предоставляя полную свободу деятельности и закрепляя свою помощь рядом гарантий. Самозанятые вправе пользоваться социальными, экономическими и общественными

гарантиями. Они имеют право на получение кредитов, возможность легальной работы, получение пособий, посещение тренингов и другое. Однако слабое закрепление их правового положения является значительным недостатком деятельности государства. Их правовой статус регулируется всего лишь одним федеральным законом, а именно Законом о проведении эксперимента, который, в свою очередь, не содержит детальных положений.

Отсутствие стабильности в работе самозанятых гласит о том, что профессиональную деятельность граждане осуществляют на свой страх и риск.

Государству следует предпринять меры, направленные, прежде всего, на развитие законодательства, расширение круга социальных и иных гарантий. Самозанятые вносят огромный вклад в развитие экономической деятельности государству. Если бы государством не была уставлена предельная граница годового заработка самозанятых, это могло бы поднять ставки взимаемых налогов, а следовательно, повысить доход государственного бюджета.

Список литературы

1. Шевчук А. В. О будущем труда и будущем без труда (футурологические дискуссии) // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 11–24.
2. Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/.
3. Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ (ред. от 08.03.2022) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_.
4. Письмо Фонда социального страхования Российской Федерации от 28 февраля 2020 г. № 02-09-11/06-04-4346 «О регистрации самозанятых граждан в качестве страхователей, добровольно вступивших в правоотношения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356733/.
5. Письмо Федеральной налоговой службы от 19 апреля 2019 г. № СД-4-3/7496 «О применении налога на профессиональный доход» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318780/.
6. Письмо Федеральной налоговой службы от 28 августа 2019 г. № СД-4-3/17127 «О применении специального налогового режима НП» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document/consdocLAW32418>.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 сентября 2020 г. № 1563 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации “Экономическое развитие и инновационная экономика”» // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73755>.
8. Макаров Е. И. Преимущества и недостатки, выявленные в ходе эксперимента по введению налога на профессиональный доход в 2018–2020 гг. СПб. : МОТ, 2021. 19 с.
9. Самитов М. Р. Самозанятые // Оценка инвестиций. 2020. № 1 (15). С. 46–55.